

802-93
3248-6

№ 1.
1902.

БОЖІА НИВА

се изыде сътай да съветъ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
ПЕСНАГО.

IV 16
51

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

Настоящая программа опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 7/9 Ноября 1901 года за № 4509 утверждена. Оберъ Секретарь Святѣйшаго Синода П. Исполатовъ.

ПРОГРАММА

ПЕРІОДИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

„БОЖІА НИВА“

ТРОИЦКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ ДЛЯ ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ.

Изыде Стѣйи, да съетъ. Мѣ. 13, 3.

„БОЖІА НИВА“ имѣетъ цѣлю: оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ церковноприходскихъ школахъ въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей народа въ духѣ христіанскаго бла-

гочестія и родныхъ преданій старины; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ хрістіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ; какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ жизни, какъ въ самой школѣ, такъ и внѣ ея; въ чемъ состоитъ тотъ идеаль, къ коему должна быть направлена вся ихъ будничная работа. „БОЖІЯ НИВА“ будетъ стремиться указать, при помощи Божіей, тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго *сердца*.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Участіе дѣтей въ Богослуженіи. Всеночныя въ школахъ, отдаленныхъ отъ храма, съ бесѣдами на нихъ. Школьное паломничество съ разказами дѣтямъ изъ родной исторіи при посѣщеніи святыхъ мѣстъ. Пѣніе церковное внѣ храма: въ школѣ, дома, въ пути, въ полѣ, на работахъ и т. п. Чѣмъ выражается любовь дѣтей къ родному храму?

II. СЕМЬЯ И ШКОЛА. Школа какъ сотрудица семьи въ воспитаніи дѣтей. Ихъ взаимное общеніе и вліяніе другъ на друга.

III. ШКОЛА И НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ. Мѣстныя наблюденія надъ народною жизнью. Хорошіе и дурные обычаи въ народной церковной жизни. Народные пороки и борьба школы съ ними. Воспитаніе хрістіанской совѣстливости и честности въ словахъ и всѣхъ поступкахъ. Просвѣтительная дѣятельность школы: собесѣдованія въ школахъ, бібліотеки, склады книгъ при школахъ, способы распространенія чрезъ школы книгъ, иконъ, крестиковъ и т. п. Чѣмъ народъ выражаетъ свое сочувствіе къ школѣ и какія предъявляетъ ей требованія въ духовномъ отношеніи? Какъ народъ смотритъ на беллетристику, поэзію, газеты и разныя книги? Отзывы о книгахъ для дѣтей и для народа.

IV. ШКОЛА какъ воспитательница ЭСТЕТИЧЕСКАГО ЧУВСТВА. Чудеса Божіи въ природѣ. Украшеніе храма въ день Св. Троицы; обсаживаніе роднаго храма, кладбища, родныхъ могилокъ, школы, домовъ, деревьями и цвѣтами; украшеніе іордани хвоею въ день Крещенія Господня; работы дѣвочекъ для роднаго храма: вышиваніе полотенецъ, починка священныхъ одеждъ; уборка дѣтьми храма предъ великими праздниками; участіе ихъ въ колокольномъ звонѣ.

V. ЛѢТОПИСЬ ЦЕРКОВНЫХЪ ШКОЛЬ. Изъ ихъ прошлаго: исторія отдѣльныхъ школъ, воспоминанія о дѣятеляхъ школы, ихъ письма. Скорби и радости тружениковъ школы, ихъ взаимная брат-

ская поддержка. Дневники оо. завѣдующихъ, наблюдателей и учителей. Обстановка школь и ихъ хозяйство.

VI. ПЕРЕПИСКА НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ. Вопросы и отвѣты по разнымъ сторонамъ церковношкольной жизни, по всѣмъ отдѣламъ настоящей программы.

VII. СТРАНИЧКА ДЛЯ ДѢТЕЙ. Разказы дѣтямъ о святыхъ дѣтяхъ. Добрыя дѣти нашего времени. Бесѣды съ дѣтьми о всемъ, что можетъ благотворно дѣйствовать на ихъ сердце. Стихотворенія.

VIII. ПРИЛОЖЕНІЯ. Троицкіе Листки и книжки какъ матеріаль для собесѣдованія и для чтенія дѣтямъ. Рисунки.

Объемъ изданія—отъ 1 до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Сроки выхода—отъ 6 до 12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями. ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ!

Время всякой вещи подъ небесемъ, говоритъ премудрый Экклезиастъ. Это значитъ, что каждое время имѣетъ свои задачи, отъ того или иного рѣшенія которыхъ часто зависитъ вся дальнѣйшая судьба народа. Въ наши дни такую великою задачею времени является вопросъ о народномъ образованіи. Русскій народъ, хотя и считаетъ болѣе тысячи лѣтъ своей церковно-гражданской жизни, но пока находится, можно сказать, въ періодѣ воспримчиваго дѣтства. Массы народныя живутъ еще духомъ допетровской старины—тѣми завѣтами и идеалами, какими жила допетровская Русь; простой русскій человѣкъ и теперь полагаетъ начало пре-

мудрости въ страхъ Божіемъ, въ любви къ родной Церкви-матери, и въ ней одной, въ Церкви Божіей, видитъ весь смыслъ своей исторической жизни. Великій знатокъ народной души, писатель Достоевскій, недаромъ назвалъ нашъ народъ „Богоносцемъ“: присмотритесь внимательно къ тѣмъ явленіямъ народной жизни, гдѣ идетъ дѣло не о землѣ и о земномъ, а о томъ, что *едино на потребу*, и вы убѣдитесь, что въ душѣ народной предъ великими вопросами о спасеніи души и вѣчной жизни блѣднѣютъ всѣ земные интересы, уходятъ на задній планъ всѣ выгоды и земные расчеты. И теперь, какъ во времена оны древнія, Русскій народъ готовъ во имя рели-

гіозныхъ идей всѣмъ жертвовать и умирать, и вотъ причина, почему такъ беспощадно-логически всегда дѣйствуетъ онъ, когда дѣло касается вѣры и его религіозныхъ убѣжденій, хотя бы эти убѣжденія были и ложны и даже гибельны...

Реформы послѣдняго полустолѣтія сразу пробудили въ немъ дѣятельность жизненныхъ силъ: онъ какъ бы проснулся отъ многовѣковаго, беззаботно-младенческаго сна и почувствовалъ неуполниму жажду просвѣщенія, жажду именно той живой благодатной воды, которою поила его родная Церковь-мать въ продолженіе всего его историческаго бытія. Всколыхнулась, поднимается къ сознательной, самодѣятельной жизни масса народная. Она инстинктивно ищетъ себѣ духовной пищи въ духѣ родной церковности. Созрѣла жатва Господня и насталь часъ труда для жателей Божіей нивы. Ини трудишася, по слову Христову, и вы въ трудъ ихъ внидосте! Трудились, въ продолженіи десяти вѣковъ, многіе святители, честное пресвитерство, во Христѣ діаконство и смиренное монашество, трудились, посѣвая въ душѣ народной эту беззавѣтную любовь къ Церкви Православной, эту дѣтскую ей преданность: для современныхъ намъ дѣлателей остается воспользоваться этимъ драгоценнымъ свойствомъ души народной, чтобъ напитать его хлѣбомъ истиннымъ, напоить водою живою, чтобъ не обманулся онъ въ надеж-

дахъ своихъ и возросъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова. „Теперь или никогда! Время не опущено, но можетъ быть скоро опущено. Дѣло само дается въ руки, но можетъ настать время, когда будемъ усиленно искать его и не найдемъ. Жизнь народовъ, какъ и отдѣльныхъ людей, назадъ не возвращается. Если представимъ себѣ еще эти особенности русской природы: необыкновенную даровитость, живость и размашистость, то вопросъ относительно времени, поры дѣйствованія, встаетъ предъ нами съ особенной настойчивостью. Какъ страшно это слово: Теперь или никогда! *)...

Православные Русскіе люди должны помнить, что такое положеніе дѣла знаютъ и враги Церкви и Государства и спѣшатъ воспользоваться благодѣяніемъ минуты. И въ расколѣ, и въ штундѣ, и въ социализмѣ и даже въ нигилизмѣ они рвутся проникнуть въ народъ съ этимъ любезнымъ каждому знаменемъ науки и просвѣщенія... Можно ли, позволительно ли, не преступно ли смотрѣть спокойно на ту опасность, какою грозитъ это вмѣшательство въ дѣло просвѣщенія народнаго непрошенныхъ радѣтелей его—враговъ Церкви и Государства?..

Могучимъ оплотомъ противъ вторженія этихъ враговъ въ об-

*) „Церковноприходская Школа. Упадокъ ея на Западѣ Европы и значеніе для Россіи“. Прот. Петра Смирнова. Изд. 3. 1886. стр. 35—36.

ласть духовной жизни народа и служить церковныя школы.

Древняя Русь не знала иной школы, кромѣ церковной. Со временъ Равноапостольнаго Владимира и до реформъ Петра I всѣ образованные люди и обучались, и воспитывались исключительно подъ влияніемъ Церкви. Церковь воспитала народную душу и заложила въ нее тѣ прочныя, незыблемыя начала, коими сталъ могучъ Православный Русскій народъ. Это такія истины, которыя хорошо извѣстны каждому добросовѣстному изслѣдователю родной Русской исторіи и безпристрастному наблюдателю современной народной жизни. Если что драгоцѣнно, живуче, крѣпко и животворно въ нашемъ народѣ, то все это — плодъ церковности въ его историческомъ воспитаніи, даръ его матери — святой Православной Церкви.

Глубже всѣхъ своихъ современниковъ понялъ это своею чистою русскою душою въ Бозѣ почивающаяій великій Царь - Миротворецъ: Онъ понялъ, что если говорить о воспитаніи народа и обученіи его въ школахъ, то къ сей святой цѣли должно итти путемъ только историческимъ, въ тѣсномъ союзѣ съ Церковію, которой вѣдомы глубины народной души. И Онъ воскресилъ церковно-приходскую школу на Руси...

На сколько эта школа отвѣчала запросамъ народа, служить отвѣтомъ тотъ фактъ, что при небольшой сравнительно помощи отъ Правительства число школъ бы-

стро возрасло и растетъ постепенно. Уже теперь ихъ насчитывается болѣе 40,000. И еслибъ не глухая вражда противъ самой идеи церковныхъ школъ со стороны тѣхъ, кто оторвался отъ единства народнаго и пошелъ путемъ всяческихъ западныхъ шатаній; еслибы опросить поголовно простой народъ: какую онъ желалъ бы имѣть школу? — то навѣрное послышался бы единодушный отвѣтъ миллионовъ православныхъ: „намъ нужна школа, которая учила бы прежде всего страху Божию, давала бы нашимъ дѣтямъ умѣнье читать Божественное, научала бы ихъ любить Церковь Божию, а потомъ — уже во вторыхъ — давала знанія, для жизни полезныя“. А такова и есть по своей идеѣ школа церковная.

И пусть каждый православный Русскій человѣкъ, каждый вѣрный сынъ своей Церкви, будь то мірянинъ или монахъ, высокій сановникъ или простой поселянинъ — пусть всѣ единодушно поддерживаютъ эти школы и нравственно, и матеріально. Пусть и наши святые обители сердечно отнесутся къ этому воистину святому дѣлу, и мы не сомнѣваемся, что онѣ много-много могутъ сдѣлать для этихъ школъ... И глубоко благодаренъ будетъ имъ за то православный Русскій народъ. И станутъ выпускать эти школы добрыхъ гражданъ отечеству, вѣрныхъ чадъ Церкви, а нашимъ обителямъ — добрыхъ иноковъ...

Обитель Преподобнаго Сергія

всегда принимала самое оживое участіе въ судьбахъ Православнаго Русскаго народа. Ея великій въ своемъ смиреніи основатель именуется и „великимъ печальникомъ Русской Земли“. — „Полюби святаго „Сергія, говорилъ приснопамятный намѣстникъ Лавры Архимандритъ Антоній извѣстному ревнителю Православія А. Н. Муравьеву: „онъ былъ Русскій въ душѣ; полюби его искренно и онъ тебя полюбитъ“. Этотъ духъ любви небеснаго гражданина Русской Земли, любви къ его земной родинѣ, и понынѣ витаетъ въ его святой обители. Она первая дѣлитъ и горе и радости великаго Русскаго народа, и если Москва есть сердце родной земли, то обитель Сергіева есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ нервовъ этого сердца. Во всѣ великіе историческіе моменты Русскіе Самодержцы, послѣ святыхъ Кремля, всегда стремились къ мощамъ великаго Печальника Русской Земли, сердцемъ чувствуя, что при его благословеніи, за его святыхъ молитвы, не страшны никакіе подвиги, никакія опасности...

Вотъ мысли, побудившія насъ пойти на встрѣчу назрѣвшей потребности русской народной жизни, вложить свою лепту въ святое дѣло, сказать свое посильное слово ободренія и поддержки трудящимся въ народныхъ школахъ нашихъ. Мы имѣемъ въ виду прежде всего школы церковноприходскія; но и всякая школа народная, какому бы она

вѣдомству ни принадлежала, если только она истинно-народная — она непременно въ тоже время есть и церковная по своему духу, по единству цѣли съ школою церковною. Мы не знаемъ и не допускаемъ иного типа школы для нашего народа, какъ школы въ духѣ родной православной церковности, школы, въ которой на первомъ планѣ стоитъ воспитаніе сердца дитяти въ духѣ Православной Церкви, а потомъ уже и сообщеніе ему знаній, для жизни потребныхъ. Пусть же этотъ скромный листокъ, имѣющій выйти подъ кровомъ столь близкой сердцу православнаго Русскаго человека обители Сергіевой, станетъ любимымъ, задушевымъ собесѣдникомъ всѣхъ скромныхъ тружениковъ нашей народной школы; пусть онъ дастъ имъ возможность, при его посредствѣ, мѣняться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть... Поднять въ нихъ духъ и энергію, поддержать тотъ святой огонекъ, которымъ согрѣта наша церковная школа, собрать искорки этого огонька въ одно средоточіе, показать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему служатъ эти труженики, дать имъ возможность отдохнуть душой, перенестись хотя на нѣсколько минутъ отъ будничной работы въ свѣтлую область того идеала, къ коему должна быть направлена вся эта будничная работа — вотъ задача, по нашему мнѣнію едва ли не болѣе важная и су-

шественная, чѣмъ пріобрѣтеніе и изысканіе матеріальныхъ средствъ къ улучшенію быта школы. Если мы будемъ искать сего единого на потребу прежде всего, тогда и все остальное само собою при-

ложится намъ. Это не праздная мечта: это слово обѣтованія Самого Небеснаго Первоучителя, Господа нашего Іисуса Христа.

И такъ—*Благослови Господи!*

ЦЕРКОВНОСТЬ.

(Ея важное значеніе и необходимость въ жизни и школѣ).

Уто такое церковность? На этотъ вопросъ даетъ достаточно ясный отвѣтъ *сама душа* русскаго человѣка, который *создалъ* „церковность“ въ своей жизни, который за свою свыше 1000-лѣтнюю исторію показалъ всю ея благодѣтельность и удобопригодность въ условіяхъ своего существованія и духовно-нравственнаго развитія. Церковность—это то чудное, драгоценное свойство кровно-русской души, которое съ первыхъ дней вліянія на нее св. Церкви ¹⁾ залегло въ ней не-

¹⁾ Напомнимъ здѣсь въ высшей степени почетельныя обстоятельства перваго знакомства русскихъ съ Греко-Православною Церковью. Въ величественномъ храмѣ Св. Софіи, въ этомъ, такъ сказать, самомъ алтарѣ Православія, они впервые знакомятся съ настоящимъ служеніемъ и угожденіемъ Богу; здѣсь впервые вкушаютъ сладость общенія съ еще невѣдомымъ имъ Богомъ, пѣвуютъ умиленною Православнаго Богослуженія до того, что, возвратившись домой, находятъ для себя психологически-невозможнымъ дѣломъ жить безъ утѣшенія и благодатныхъ таинствъ св. Церкви, и притомъ — именно Церкви Православной. Нельзя отвѣдавшему сладкаго продолжать вкушать горькое, говорятъ они, и говорить вслѣдъ за ними донныѣ весь Рус-

смываемую печатью и не можетъ быть совершенно вытравлено заноснымъ ядомъ западнаго нигилизма. Церковность—это стремительно-мощное бѣненіе и вращеніе въ жилахъ русскаго человѣка матерински-животворной крови св. Православной Церкви, жизнь въ духѣ ея заветовъ, уставовъ, заповѣдей, таинствъ, обрядовъ и всего Богослуженія,—имѣющихъ свою цѣлью внести таинственное освященіе во все проявленія и событія обыденной жизни хрістіанина, отъ момента рожденія до смерти. Церковность—это та свѣтлая, златотканная одежда, подъ которой представляются и усвояются народною душой святыя возвышенныя догматы нашей вѣры православной; это тѣ нерукотворныя, вѣяніемъ Духа Божія въ земной Церкви созданныя, полныя красоты и одухотворенія формы, въ которыхъ отливается вся религіозно-быскій народъ своею душою, сознательно-благодарно преданною своей св. Церкви, остающейся для него и донныѣ неистощимымъ источникомъ благодатнаго утѣшенія, освященія и наученія.

товая жизнь православнаго хрістіанина. Не сами по себѣ обряды, не буква ихъ, не застывшая форма, а вѣчно животворное содержаніе ихъ, ихъ духъ и воплощеніе или усвоеніе ихъ всею жизнію хрістіанина — вотъ существо, сила и глубочайшій смыслъ всей церковности....

Кронштадскій пастырь, не даромъ столь благоговѣнно - чтимый всѣмъ многомилліоннымъ Русскимъ народомъ, прекрасно разгадалъ и выяснилъ то, чего жаждетъ, въ чемъ нуждается по своимъ потребностямъ русская душа, и прекрасно умѣетъ удовлетворить этой жаждѣ и этимъ нуждамъ, привлекая къ молитвенному общенію съ собою жителей самыхъ отдаленныхъ уголковъ нашего необъятнаго отечества. Чего жаждутъ, и чего такъ многотрудно ищутъ эти несмѣтная толпы, текуція къ нему отовсюду? Чего ищутъ эти же толпы, колющія въ лѣтнее время по всѣмъ дорогамъ Русской земли, отъ одной обители ея до другой, съ мѣшкомъ сухарей на плечахъ и съ посохомъ въ рукахъ? Онѣ жаждутъ, онѣ ищутъ тѣснѣйшаго молитвеннаго общенія съ Богомъ и благодатнаго освященія своей души, видимыя достаточныя средства коихъ эта душа вѣрно предчувствуетъ и ищетъ въ св. таинствахъ, обрядахъ и Богослуженіяхъ св. Церкви. Онѣ не удовлетворяются, при этомъ, молитвой только въ собственномъ приходскомъ храмѣ, — не потому, чтобы не вѣрили въ ея дѣйственность, и идутъ по монастырямъ — не потому, чтобы имѣли какую-то привычку и слабость бродяжничать; но по другимъ, совершенно разумнымъ и цѣлесообразнымъ побужденіямъ. Онѣ идутъ не помолиться только, а и получить освященіе отъ св. чудотворныхъ иконъ, мощей угодниковъ Бо-

жихъ и другихъ святынь, составляющихъ главное сокровище нашихъ монастырей. Онѣ смотрятъ на міръ, на свою жизнь въ міръ совершенно глазами монаха, или лучше сказать — такъ, какъ долженъ смотрѣть на эту жизнь всякій вѣрующій и благочестивый хрістіанинъ. Вѣрнымъ, типичнымъ выразителемъ этого взгляда въ наше время является тотъ же Кронштадскій пастырь: зло, зараза грѣха и тлѣніе, по выраженію этого пастыря, проникаютъ весь міръ, такъ сказать, до мозга костей: зараженъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, заражена вода, которую пьемъ, пища, которую вкушаемъ, зараженъ весь человѣкъ со всѣми своими естественными мыслями, чувствами и желаніями, такъ что не можетъ сдѣлать ни одного шага, чтобы не нуждаться въ освященіи всего, чѣмъ онъ пользуется для продолженія и устроенія своей жизни. Отсюда необходимость таинствъ, обрядовъ и молитвословій св. Церкви, мудро приуроченныхъ ко всякой потребѣ падшаго и тлѣнію подверженнаго человѣка: необходимость св. водоосвященія для окропленія всего, служащаго къ питанію человѣка, необходимость св. таинствъ, сообщающихъ благодатныя силы во всѣ важнѣйшія событія и моменты его жизни, а также необходимость и великая польза чествованія св. иконъ, мощей, лобызанія ихъ и прикосновенія къ нимъ и другимъ святынямъ. Набожная русская душа въ самой атмосферѣ храма Божія или монастыря ищетъ и находитъ для себя благодатное освященіе и обновленіе, измѣняясь въ ней иногда до неузнаваемости. Гдѣ чаще всего спившійся съ круга мужичокъ почерпаетъ силы къ оставленію своего недуга, и даетъ обѣты воздержной, трудолюбивой жизни? Гдѣ онъ скорѣе всего прихо-

дить къ сознанию своихъ недостатковъ, погрѣшностей, пороковъ, и загорается рѣшимостію образумиться и начать жить „по Божьи?“ Въ храмъ Божіемъ, въ обители, гдѣ каждый камень, каждая пядь земли освящена трудами и молитвенными подвигами св. угодниковъ Божиихъ, этихъ богатырей духа, которые плѣняютъ его воображеніе гораздо болѣе фантастическихъ героевъ былины и пѣсни... Здѣсь, въ храмъ Божіемъ, въ святыхъ обителяхъ, близъ заветныхъ святынь, вѣрующій прикасается нетлѣнной ризѣ Христовой тѣмъ прикосновеніемъ вѣры, какимъ коснулась нѣкогда ометь Христовыхъ кровоточивая жена, и по вѣрѣ своей пріемлетъ отъ Христовой благодати то, чего жаждетъ его смиренная душа.

Будите совершенны, яко Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть, заповѣдалъ Господь. И русская душа стремится къ этому идеалу совершенства, она тоскуетъ по немъ, она не боится его недосыгаемой высоты: что до того, что онъ *никогда*, ни для кого недостижимъ? Онъ пересталъ бы быть идеаломъ, если бы было возможно достигнуть его. Высоко въ небѣ горитъ путеводная звѣзда: никому до нея не подняться, но идти въ слѣдъ ея—нашъ долгъ, потребность нашего сердца—счастіе нашей жизни. Мы всюду видимъ несовершенства, — оправдывать ли себя въ нихъ? Нѣтъ! Покроемъ ихъ, восполнимъ, сколько можно—глубокимъ смиреніемъ. Пусть католикъ сводитъ счеты съ Правдою Божественной ученіемъ о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ и торговлею этими заслугами въ индульгенціяхъ: въ этомъ нѣтъ смиренія; пусть протестантъ устраняетъ необходимость добрыхъ дѣлъ и ищетъ спасенія въ одной вѣрѣ: тутъ какое-то отчаяніе въ возможности при-

близиться къ идеалу, Христомъ указанному. И у того и у другого въ глубинѣ ихъ возрѣній на идеалъ лежитъ гордость, а не смиреніе. Не то—въ Православіи. Грѣшны мы, немощны; никогда не достигнуть намъ идеала святости; но Христосъ затѣмъ и пришелъ, чтобы грѣшниковъ спасти. И чѣмъ грѣшнѣе мы себя сознавать будемъ, тѣмъ теплѣе будетъ у насъ на душѣ, тѣмъ ближе къ намъ спасающая благодать Божія. О, какъ въ этомъ сознаніи грѣховности, немощи, беспомощности нашей—намъ благопотребно это *прикосновеніе вѣры* ко Христу Спасителю нашему! И чѣмъ чаще, тѣмъ животворнѣе для насъ это прикосновеніе. Имъ, этимъ прикосновеніемъ вѣры, въ Церковной обрядности, жила душа русскаго человѣка почти тысячу лѣтъ.

Жажда „божественнаго“, „святаго“, стремленіе жить не въ разрѣзъ съ идеаломъ человѣка „благочестиваго“, — идеаломъ, всосаннымъ съ молокомъ матери и проникающимъ все убѣжденія и возрѣнія русскаго простолюдина на жизнь, обнаруживается въ весьма симпатичныхъ особенностяхъ, привычкахъ и обычаяхъ большинства нашего народа показывающихъ, что его стремленіе къ идеалу не мертвое стремленіе, но живое и дѣйственное, что его благочестіе не механическое, натянутое, повинующееся у католика, напимѣрь, только ударамъ звонка, раздающимся въ моменты, когда надо падать и вставать на колѣна, — а благочестіе сознательно-свободное и, такъ сказать, *творческое*, создавшее все эти разнообразныя виды русскаго подвижничества, и доннѣ созидающее самыя разнообразныя виды *русскаго* благочестія, нигдѣ болѣе невозможнаго. Случалось ли вамъ наблюдать, какъ пробуждается, принимается за обыденную работу, садится обѣдать, ложится от-

дохнуть и отходить къ вечернему сну неиспорченный русскій мужичекъ, изъ незакопченныхъ одуряющимъ дымомъ фабрики, незагрязненныхъ растлѣвающимъ чадомъ столицы? Присмотритесь, какъ онъ несетъ едва посильные труды и заботы ради насущнаго куска хлѣба, какъ онъ переноситъ неимоверныя скорби, какъ умѣетъ онъ благодарить Бога во дни святой приходящей къ нему радости, и быть покорнымъ Ему во дни тяжкаго посѣщенія Божія—горя,—какъ онъ живетъ, трудится и умираетъ. Входя въ чужой домъ, онъ прежде всего ищетъ своими серьезными глазами угловую святыню вашего дома, творить предъ нею три истовыхъ поклона, и затѣмъ уже привѣтствуетъ самого хозяина дома безхитростно-простою, но безконечно доброю, мирною рѣчью. Входя въ Божій храмъ, онъ кладетъ три благоговѣйныхъ поклона прежде всего къ алтарю и потомъ, оборачиваясь, кланяется въ поясъ на всѣ стороны, не хуже и ничуть не менѣе чинно, чѣмъ какъ это слѣлалъ бы въ монастырѣ настоящій монахъ, каждый шагъ котораго регламентированъ правилами порядочности и благообразія. Конечно, вамъ приходилось замѣчать также, какъ онъ льетъ слезы умиленія въ трогательныхъ церковныхъ процессіяхъ и службахъ,—съ отпечаткомъ какой глубокой святой грусти и сердечнаго сокрушенія онъ слѣдитъ за священнодѣйствіями служителей Церкви въ Страстную седмицу, предъ плащаницею, изображающею умершаго Спасителя, и какъ сіяетъ лицомъ въ безсонную, но безконечно отрадную для него Пасхальную ночь, за „Христовой заутреней“. Кто не замѣчалъ также, съ какою жадностью и съ какимъ вниманіемъ ловитъ онъ каждое живое слово мало-мальски сносно проповѣдующаго па-

стыря Церкви, какъ глубоко вздыхаетъ при мало-мальски благоговѣйномъ исполненіи церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній¹⁾, и съ какимъ доволь-

¹⁾ Говорятъ: „эти церковныя пѣсни („тарабарщина“, какъ изрыгнулъ нѣкій изувѣръ въ письмѣ къ Архіепископу Амвросію) для народа то же, что „дѣвъ звенящая и кимвалъ звяцаѣй“ по ихъ „неудобовразумительности и возвышенности.“—Чистѣйшая ложь, въ изобличеніе которой смѣло ссылаемся на самый народъ, съ такою любовію поощій труднѣйшія и сложнѣйшія церковныя пѣснопѣнія. Пишущій эти строки имѣлъ счастливый случай совершенно трогательностію убѣдиться въ этомъ въ одну изъ ночей, проведенныхъ съ русскими богомольцами въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Гроба Господня, на Голгоѣѣ... Какъ только огромный храмъ Воскресенія Христова весь замретъ въ ночномъ мракѣ и тишинѣ, и удалится изъ него все, до глубины возмущающее русскую душу—всѣ эти басурмане, съ трубками и шапками торчаще при входѣ въ храмъ, Армяне, Католики и др. „нехрісті“, со своими органами и бубенцами, волками воющіе за своими тоску наводящими службами,—тотчасъ же начинается настоящая „русская“ служба, въ которой священнодѣйствующимъ является весь Русскій народъ, стекшійся сюда со всѣхъ концовъ матушки Россіи. И что всего трогательнѣе, вожаками его выступаютъ здѣсь... простыя русскія женщины, отъ которыхъ, конечно, едва ли слѣдовало бы ожидать большаго пониманія православноцерковной службы, чѣмъ отъ мужчинъ. И что же здѣсь совершается?.. Нигдѣ я не слыхалъ болѣе вразумительнаго, благоговѣйнаго, одушевленнаго чтенія и пѣнія, напримѣръ, Акаѣиста и Канона Страстямъ Господнимъ. Сначала для пѣнія выбирались такія простыя и всѣмъ знакомыя вещи, какъ „Благообразный Іосифъ“, „Егда славни ученицы“, „Чертогъ твой“,—„Разбойника благоразумнаго“, Трипѣснецъ Вел. Пятка „Къ тебѣ утреннюю“, и т. под. Низа что нельзя было удержаться, чтобы не подтянуть этому чудному общему пѣнію... Пѣли всѣ: пѣлъ и я, и даже—признаюсь!—хотѣлъ пѣть возможно слышнѣе для другихъ, не надѣясь, что все поемое на память твердо знаютъ и разумѣютъ поощіе!.. Но каково же было мое удивленіе, разочарованіе и стыдъ, когда поощіе вдругъ затягиваютъ пѣснопѣнія, которыхъ я совершенно не зналъ и не могъ подпѣвать, хотя не хва-

ствомъ выходить изъ храма, унося неистощимые запасы духовной силы, творящей въ немъ чудеса терпѣнія, труда и благочестія! Еще, не замѣчали ли вы проявленій все той же церковности въ томъ, какъ сложена вообще вся его незамысловатая, но крѣпкая этой простотою и естественностью жизнь,—жизнь, полная лишений, заботъ и труда, самаго здороваго, закаляющаго его душу и тѣло до желѣзной выносливости и того богатырскаго величія, которое въ подвижникахъ Церкви, вышедшихъ изъ простонародія, воплотилось въ изумительныя, превышающія человѣческое вѣроятіе, подвиги благочестія? Слава Богу, и донинѣ есть семьи, главнымъ устоемъ которыхъ является строгая церковность и та своеобразная патриархальность, которая придаетъ всей семьѣ совершенный характеръ „домашней церкви“ (Римл. 16, 4), отражающей въ своей жизни жизнь общецерковную до мельчайшихъ подробностей. Въ такихъ семьяхъ глава дома является какъ бы полномочнымъ предстоятелемъ своей домашней церкви, олицетворяя ея единство и святость, разумно и авторитетно руководя всею жизнедеятельностію ея отдѣльныхъ членовъ, и общую работу послѣднихъ одушевляя собственнымъ примѣромъ и учаіемъ къ созиданію этого цѣлаго въ „маленькій церковный организмъ, плоть отъ плоти и кость отъ костей животворнаго организма св. Церкви. Во многихъ такихъ семьяхъ мы порази-

... скажу, что наизусть знаю церковныхъ пѣснопѣй столько, сколько, пожалуй, немногіе! Гдѣ же постѣ этого непониманіе рускимъ народомъ церковной службы, молитвы и пѣснопѣвній,—незнаніе ихъ и бесполезность ихъ для его молитвы?? Никогда я не былъ свидѣтелемъ болѣе усердной, живой, пламенной молитвы!!!!

лись бы своеобразною простотою, сердечностію и въ то же время строгою порядочносію взаимныхъ отношеній членовъ между собою. Едвали въ какой интеллигентной семьѣ встрѣтили бы мы такое благоговѣно-искреннее уваженіе къ старшимъ, покорность родителямъ, довѣрчивое отношеніе къ нимъ, исходящее изъ глубокаго сознанія ихъ священной авторитетности и доходящее до откровенной исповѣди самыхъ сокровенныхъ помысленій. Знаетъ ли современная интеллигенція секретъ такой простоты и чистоты нравовъ, какая царитъ во многихъ простыхъ истинно-русскихъ семьяхъ, того благодатнаго порядка, которымъ онѣ живутъ и хранятся, строжайше и въ тоже время совершенно свободно выполняя въ своей жизни всѣ благодѣтельные уставы и обычаи Св. Церкви? Знаетъ ли она, что въ такой семьѣ—Боже упаси!—чтобы кто даже изъ малолѣтнихъ и старцевъ, имѣющихъ уважительныя причины въ своихъ немощахъ и недугахъ, дерзнулъ нарушить святость среды и дятка, святость другихъ постовъ, особенно св. Четырдесятницы, и покой дней праздничныхъ? И это вовсе не по слѣпому подчиненію какакимъ-то, невѣдомо какъ установившимся традиціямъ, и не по бессознательному подражанію невѣдомо когда принятымъ обычаямъ, а въ соединеніи съ самымъ живымъ, отчетливымъ сознаніемъ важности и священности того или другаго выполняемаго церковнаго установленія. Пускай во всемъ этомъ иногда обнаруживается немало формально-обрядоваго и даже казуистичнаго ¹⁾. Это указываетъ только особо-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ (1897 г. т. IV. 785 стр.) приводитъ безпорные факты этого. Только надрасно они здѣсь обобщаются и распростра-

благодарныя стороны для дѣятельности пастырей и воспитателей народа, который—не надо забывать и сего—подъ внѣшнимъ покровомъ обряда, вполне соответствующаго требующему наглядности характеру народнаго мышленія, всегда способенъ чувствовать незримую идею, таящую въ себѣ пренепотекшую жизнь духа и истины. Попробуйте вмѣсто того, чтобы только ука-

зывать народные недостатки, перевоспитать этотъ народъ по началамъ его положительныхъ достоинствъ, и вы поймете тогда всю глубокую суть и правду краткихъ, но многознаменательныхъ словъ: „Святая Русь“....

(Продолженіе слѣдуетъ).

I. I.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ

ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

Выпускная 1-й № журнала для церковноприходскихъ школъ, редакция не можетъ не вспомнить добрымъ словомъ одного изъ тѣхъ, которые не только сами цѣлымъ сердцемъ полюбили это святое дѣло, но умѣли и въ другихъ зажигать святую искру того же благодатнаго огня—святой любви къ просвѣщенію малыхъ сихъ въ нашихъ школахъ церковныхъ. Таковъ

былъ почившій другъ и сотрудникъ редактора „Божіей Нивы“ и „Троицкихъ Листковъ“, протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.

О, какъ бы онъ порадовался, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ бы наше начинаніе! И мы вѣруемъ, что его душа порадуетъ святою радостью за наше дѣло тамъ, въ горнемъ мѣрѣ, и помолится теплою молитвою, да благословить Господь наше скромное дѣланіе во славу Церкви родной.

нются на весь народъ; на примѣръ, въ голословномъ утвержденіи: „ни одинъ крестьянинъ нисколько не затруднится работать не только въ Воскресенье, но и въ двенадцатый праздникъ, за исключеніемъ, конечно, Пасхи и почти всей Пасхальной недѣли. Ни одинъ, однако, не возьмется за полевую работу въ Ильинъ день: „избави Богъ! Илья накажетъ: градомъ поле выбьетъ!“ Лѣтнее время вообще дорогое время для крестьянина и вполне естественно, что онъ и часы праздничнаго отдыха употребляетъ на работу; но никогда при этомъ онъ не забудетъ ознаменовывать праздникъ и молитвой, или въ церкви, если таковая близко, или дома, хотябы только вспомянувъ о праздникѣ. Его трудъ вполне св. дѣло, совмѣстимое съ праздникомъ, не отвлекающее его отъ утренняго Богослуженія, и нисколько не разсеивающее его молитвенной настроенности.

Не сомнѣваемся, что въ средѣ нашихъ читателей найдется не одинъ изъ числа учителей, бывшихъ въ 1897 въ Москвѣ на курсахъ, коими завѣдывалъ о. Михаилъ. Надѣмся, что имъ будетъ пріятно взглянуть на дорогія черты лица ихъ бывшаго „инспектора“, будетъ отрадно вспомнить о немъ, прочитать на страницахъ журнала, посвященнаго столь дорогому для почившаго дѣлу нѣсколько свѣдѣній о жизни, нѣсколько личныхъ воспоминаній объ этой свѣтлой личности. А можетъ быть кто-либо изъ нихъ и самъ напишетъ о немъ свое слово

теплое — редакція съ глубокою благодарностью дастъ мѣсто такому слову на своихъ страницахъ.

бытности Русскаго народа; отрѣшиться отъ Православія для народа значило бы отрѣшиться отъ самого себя, пере-

Протбіерей

Михаиль Ивановичъ Хитровъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о немъ самомъ, приведемъ здѣсь его основные взгляды на значеніе церковности въ народной жизни, взгляды, которые и мы всецѣло полагаемъ въ основу программы нашего скромнаго изданія.

По его представленію Православная Церковь и Русская народность также неразлучно связаны другъ съ другомъ какъ—тѣло и душа. Безъ Православія въ его глазахъ не могло быть и само-

стать быть народомъ Русскимъ, сдѣлаться чужимъ самому себѣ. При такомъ возрѣніи на взаимныя отношенія Православія и Русской народности, служить Православной вѣрѣ значило для о. Михаила служить духовному развитію Русскаго народа; наоборотъ быть врагомъ Церкви значило работать надъ духовнымъ умерщвленіемъ своего народа.

Скованный рабствомъ, оскудѣвшій

притомъ активными духовными силами въслѣдствіе разрыва съ передовою своею частію, измѣнившію его завѣтамъ, народъ и послѣ Петра продолжалъ еще долгое время жить прежнею стійкою жизнію, крѣпко храня въ душѣ святыню Православія, но не умѣя по причинѣ умственного невѣжества проявить свою любовь къ нему активнымъ образомъ.

Въ такомъ состояніи народъ пребывалъ до второй половины XIX вѣка. Но съ эпохою Александра II, освободившаго Русскую землю отъ связывавшихъ ее путь, пришла очередь и для народной массы пережить тотъ искусъ, которому передовая часть его подверглась уже въ эпоху Петра.

„До второй половины текущаго столѣтія“, говоритъ о. Михайлъ, „наша деревня жила старорусскою жизнію, крѣпкою своимъ вѣковымъ бытомъ, священными преданіями завѣтной старины, укладомъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ и отцовъ. Настало иное время. Съ развивающеюся фабричною жизнію, съ быстрыми и дешевыми путями сообщенія, съ многими другими обстоятельствами,—деревня нынѣ собралась въ невѣдомый путь“...

При томъ взглядѣ на значеніе Православія въ духовной жизни Русскаго народа, который существовалъ у о. Михаила, понятно, какъ долженъ былъ тревожить его душу переживаемый въ настоящее время народомъ духовный кризисъ. Останется ли народъ вѣренъ своему историческому призванію или отступитъ отъ него по примѣру своей интеллигенціи?—вотъ, что считалъ онъ кореннымъ, центральнымъ вопросомъ настоящаго времени, вопросомъ, отъ котораго зависитъ все будущее Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, видя уклоненіе съ прямого пути интеллигенціи, можно было еще утѣшаться

надеждою на народъ. Но съ измѣною своему призванію народа, никакимъ надеждамъ, никакимъ утѣшеніямъ не было бы мѣста. Конечно, не за судьбу дорогого ему Православія боялся о. Михайлъ: Церкви Христовой и врата ада не одолѣютъ, а Богъ и изъ каменной можетъ сотворить дѣтей Аврааму. Но неужели Русскому народу, какъ нѣкогда іудеямъ, придется выслушать отъ Господа горькія слова: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“!?

Это тревожное настроеніе души о. Михаила слышится въ слѣдующихъ словахъ его, сказанныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. „Положеніе грозно, моментъ критическій... Въ народную жизнь неудержимо врываются чуждые ей разлагающіе элементы. Простая младенческая вѣра прежнихъ временъ и въ средѣ народа уже становится вѣрой испытующей. Духовные запросы народа растутъ... Развитіе сектантства указываетъ уже и на темные стороны совершающейся перемѣны — на стремленіе освободиться отъ церковной дисциплины“...

Тяжесть положенія увеличивалась, въ глазахъ о. Михаила, еще благодаря непрошеннымъ радѣтелямъ о народномъ благѣ, этимъ „волкамъ въ овечьей шкурѣ“, которые стремились и стремятся увлечь народъ съ его прямого пути. Вотъ какія скорбно-гнѣвные слова вылились изъ груди его по поводу этихъ радѣтелей въ послѣдней московской публичной рѣчи его,— слова, въ которыхъ, какъ живой, рисуется весь о. Михайлъ съ его беззавѣтной, не только умъ или сердце, всю жизнь его проникающей любовью къ Православной Церкви.

„Намъ предлагаютъ отказаться отъ археологическихъ обломковъ старой традиціи и выработать новое міросозерцаніе, и мы посылаемъ своихъ дѣ-

тей учиться всему этому... О, дивные, чуднопрекрасные образы давно минувшаго, такъ сроднившіеся съ душою, прощайте! Дорогія съ дѣтства, впервые произнесенныя любящими устами матери, имена — Виолемъ, Назаретъ, Іерусалимъ, Голгова, символъ самоотверженной, распявшейся за грѣхъ міра Божественной Любви—крестъ Господень,—вы, священные сонмы апостоловъ и мучениковъ, своею кровью запечатлѣвшіе правду вашей вѣры, прощайте! Скоро все это, какъ ненужные обломки, снесутъ въ архивъ! Многострадальная исторія Русскаго народа, съ незыблемою вѣрою во Христа, поборовшею внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ своихъ, — мы отвертываемся отъ тебя! Мы разрываемъ всякое духовное родство съ вами, мы чужіе вамъ, наши предки, своими чудесными подвигами создавшіе для насъ наше современное положеніе! Боже, долго ли продлится наше безуміе?“

Къ чему же обязываетъ такое положеніе дѣла людей, призванныхъ, подобно о. Михаилу, трудиться на нивѣ духовнаго просвѣщенія народа? Обязанность ихъ ясна—служить съ самоотверженіемъ тому священному стягу, подъ сѣнью котораго въ теченіе вѣковъ жилъ Русскій народъ и который въ наши дни былъ поднятъ на новую высоту великимъ Миротворцемъ, Александромъ III.

Вотъ какъ выражалъ эту мысль о. Михаилъ.

„Отцы наши, первоучители свв. Кириллъ и Меодій, Антоній и Θεодосій, преподобный Сергій и все многое множество великихъ подвижниковъ земли

Русской зажгли искру любви Божіей въ сердца народа. Намъ теперь предстоитъ завершить ихъ подвигъ. То, что воспринято было горячимъ чувствомъ юнаго народа, что долго держалось отцовскимъ и дѣдовскимъ преданіемъ, намъ предстоитъ озарить веѣмъ свѣтомъ лучезарнѣйшаго идеала, осмыслить и просвѣтлить народное религіозное сознаніе“.

„Не смутимся“, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ соратникамъ, „тѣмъ, что маловѣрующая интеллигенція ослабляетъ вѣру народа и своимъ полужыгическимъ образомъ жизни и своими внушеніями, что сектантство начинаетъ уже разѣдять цѣльность духовнаго народнаго организма, что такимъ образомъ и сверху, и снизу, и совнѣ народъ нашъ подвергается страшнымъ искушеніямъ,—путь нашъ ясенъ! Это путь древнихъ великихъ святителей, въ страшныя времена татарщины, поднимавшихъ упавшій духъ народа, возрастившихъ юное Московское государство, это путь Гермогена и его великихъ сподвижниковъ... Это наконецъ путь, на которомъ верховнымъ Вождемъ нашимъ будетъ Тотъ, Кто нѣкогда, говоря словами одного писателя, будучи чистѣйшимъ среди могущественнѣйшихъ и могущественнѣйшимъ среди чистыхъ, Своею пронзенною рукою сдвинулъ со своихъ основъ царства и вывелъ изъ Своихъ руслъ потокъ вѣковъ, и теперь еще, какъ и всегда, всемогуще царствуетъ надъ временами!“

Какія чудныя, ободряющія слова! И къ кому ближе всего относятся они, какъ не къ пастырямъ Церкви и труженикамъ церковной школы?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО.

22-е іюля останется навсегда памятнымъ днемъ для слушателей московскихъ второклассныхъ курсовъ: въ этотъ день они всѣ, въ полномъ составѣ, въ сопровожденіи своего инспектора, г. московскаго епархіального Наблюдателя А. Д. Италинскаго и нѣкоторыхъ изъ лекторовъ, посѣтили Троицкую Сергіеву Лавру. Эта святая обитель принадлежитъ къ числу тѣхъ святыхъ мѣстъ на Святой Руси, которыя, своими историческими воспоминаніями и великими святынями, влекутъ къ себѣ неодолимо сердце православнаго русскаго человѣка, и кто посѣтилъ ихъ хотя однажды, тотъ уже никогда не забудетъ этого посѣщенія.

Поѣздъ Ярославской желѣзной дороги пришелъ въ Сергіево ровно въ 9 часовъ и всѣ слушатели немедленно направились въ Успенскій соборъ, гдѣ и пѣли сами всю Божественную литургію. Стройный хоръ молодыхъ голосовъ, въ числѣ до 200 человѣкъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на богомольцевъ. Послѣ обѣдни всѣ направились въ Троицкій соборъ, гдѣ для нихъ былъ отслуженъ молебень членомъ Епархіального Совѣта, редакторомъ „Троицкихъ Листковъ“ архимандритомъ Нікономъ. Пѣли сами курсисты. Вслѣдъ за многолѣтнемъ Царствующему Дому, Св. Синоду, Митрополиту Московскому и всѣмъ „труждающимся въ обученіи отроковъ въ школахъ церковныхъ“ о. архимандритъ обратился къ слушателямъ курсовъ съ слѣдующею рѣчью, которую мы приводимъ здѣсь сполна, по ея тѣсной связи съ предыдущей статьёй нашего сотрудника, о. І.

„Миръ вамъ, дорогіе труженики нашей церковной школы!

Съ любовью встрѣчаетъ васъ святая обитель преподобнаго Сергія. Въ лицѣ вашемъ цѣлая половина всѣхъ церковноприходскихъ школъ Православной Руси пришла на поклоненіе великому печальнику Русской земли, въ то время, какъ другая половина вашей доброй учительской дружины поклоняется великимъ святынямъ матери русскихъ градовъ, древнестольнаго града Кіева.

Знаменательное паломничество! Да благословитъ Господь всѣхъ васъ Своимъ небеснымъ благословеніемъ.

Любовь къ паломничеству для поклоненія святынямъ всегда была отличительной чертой нашего русскаго народнаго благочестія. И когда видишь эти тысячи, десятки и сотни тысячъ православныхъ русскихъ людей всѣхъ званій и состояній, изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ непрерывною чредой притекающихъ къ завѣтнымъ святынямъ со всѣхъ концовъ родной земли, то невольно спрашиваешь: какая таинственная сила влечетъ ихъ сюда? Чего они ищутъ и что обрѣтаютъ здѣсь?

Отвѣтъ на это даетъ намъ съдая старина устами нашихъ предковъ — еще язычниковъ. Вспомните, что говорили о своихъ впечатлѣніяхъ отъ торжественнаго патріаршаго Богослуженія въ святой Софіи цареградской послы славнодержавнаго князя Владиміра: „мы не знаемъ, на небѣ ли мы были, или на землѣ“...

Въ этихъ словахъ уже слышится голосъ русской души, готовой воспринять всѣмъ сердцемъ не только вѣру православную, но и всю ту церковность, которою, какъ свѣтлую златотканную одеждою, облечена эта вѣра.

Пословъ Владиміра поразила благолѣпная обстановка патриаршей службы, дивное благолѣпіе дивнаго храма, величественные обряды, неслыханное ими прежде церковное пѣніе... Во всемъ этомъ ихъ душа почувствовала вѣяніе той Христовой благодати, которая обитаетъ въ нашей святой православной Церкви, почувствовала — и сердцемъ рванулась на встрѣчу къ ней...

Одинъ изъ нашихъ славныхъ поэтовъ ¹⁾ сказалъ, что мы сердцемъ и чувствомъ познаемъ истину дальше и глубже, чѣмъ умомъ, что мы предчувствуемъ ее и воспринимаемъ въ душу, не рѣдко такъ, что сердцемъ уже сродняемся съ нею, любимъ ее, а умъ все еще стоитъ предъ нею какъ бы въ нѣкоторомъ колебаніи: ему нужно *смириться*, чтобы воспринять истину вполнѣ...

Такъ и случилось съ нашими предками въ цареградской Софіи. Ихъ сердце плѣнилось вѣрою православной раньше, чѣмъ ихъ умъ просвѣщенъ былъ познаніемъ истинъ этой вѣры. А посредникомъ въ этомъ спасительномъ плѣненіи была церковная обрядность во всей ея дивной духовной красотѣ.

Сія-то красота церковныхъ обрядовъ, сіе-то благолѣпіе и стройный чинъ богослуженій, совершаемыхъ въ святыхъ обителяхъ, прежде всего и влекутъ православное русское сердце къ этимъ завѣтнымъ святынямъ родной земли. Сквозь эту чудную, внѣшнюю одежду церковности русская душа чувствуетъ незримое, но въ высшей степени для нея животворное вѣяніе той благодати, которая объединяетъ Церковь земную съ Церковью небесною, и даетъ сердцу опытно чувство-

вать это таинственное единеніе членовъ Церкви воинствующей на землѣ съ членами Церкви торжествующей на небесахъ.

И какое это чудное единеніе! Вникните умомъ, прочувствуйте сердцемъ хотя бы только нѣкоторыя наши церковныя пѣснопѣнія. Не говорю уже о краткихъ славословіяхъ Ангельскихъ, въ которыхъ слышатся звуки райскихъ пѣснопѣній, — остальные церковныя пѣсни — почти всѣ суть творенія святыхъ мужей, начиная съ ветхозавѣтнаго Царя псалмопѣвца и древнихъ пророковъ и кончая новозавѣтными поэтами, каковы были Іоаннъ Дамаскинъ, Косма Маіумскій и другіе. А чудная, несравненная пѣснь Самои Матери Божіей, въ священномъ восторгѣ воспѣвшей: *величитъ душа Моя Господа, и возрадовался духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ*... Повторяя своими грѣшными устами эти дивные глаголы, не объединяемся ли мы духомъ съ ихъ святыми авторами, не бываемъ ли хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ причастниками и ихъ святаго умиленія, святаго восторга?..

А чинопослѣдованія и обряды церковные, и древніе нагѣвы... Кто изъ насъ, питомцевъ алтаря Господня, въ дѣтствѣ, приметаясь въ дому Божіи, во дни великой седмицы Страстей Господнихъ, не умилялся сердцемъ до слезъ при выносѣ св. плащаницы, при пѣніи: *Благообразный Иосифъ или Тебе одѣющагося свѣтомъ яко ризою?*.. У кого не согрѣвалось сердце при пѣніи: *Чертогъ Твой вижду, Спасе мой?* Кто не ликовалъ небеснымъ восторгомъ, встрѣчая воскресшаго Христа въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ?.. Это ли не чудная поэзія, это ли не предвкушеніе райскаго блаженства?..

И все это безцѣнное сокровище — у насъ, въ родной нашей Церкви, въ

1) Графъ Алексѣй Толстой.

ея Богослуженіи и обрядахъ, въ ея пѣснопѣніяхъ, въ ея древнихъ напѣвахъ... Вѣдь въ эти обряды, въ эти напѣвы наши духовные предки, древніе хрістіане и наши православные русскіе люди, вложили свой духъ, свою душу... Они жили больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, поэтому и въ духовномъ отношеніи они были цѣлнѣе, и къ истинѣ часто были ближе, чѣмъ многіе изъ современныхъ намъ мудрецовъ. Ихъ сердце непосредственнѣе соприкасалось съ міромъ духовнымъ, и это соприкосновение отражалось и въ словахъ, и въ самыхъ звукахъ, напѣвахъ церковныхъ пѣснопѣній. Вѣдь пѣніе есть голосъ сердца, голосъ чувства—такъ же, какъ рѣчь и слово есть голосъ ума и разсудка.

Какъ же не дорожить намъ этими завѣтами предковъ нашихъ? Какъ не дорожить тѣмъ сокровищемъ, какое они завѣщали намъ въ видѣ древнихъ обрядовъ, древнихъ напѣвовъ и всего того, что обычно называемъ мы церковностью? Ударьте по струнамъ вашего музыкальнаго инструмента и со сѣдній инструментъ самъ отзовется на эти звуки. Не то же ли бываетъ и съ душою? Повторите древній напѣвъ въ исполненіи церковнаго пѣснопѣнія, и, если ваше сердце еще способно отозваться, то оно отзовется на мелодію этого напѣва тѣми святыми чувствами, какія отпечатлѣлись когда-то у нашихъ предковъ въ звукахъ этихъ напѣвовъ.

Но гдѣ строже выполняются церковные обряды, чины и уставы, гдѣ можно скорѣе слышать древніе напѣвы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ не въ монастыряхъ? И вотъ, нашъ добрый вѣрующій народъ влечется сердцемъ въ святія обители, чтобы здѣсь, подъ звуки св. пѣснопѣній отдохнуть душой, чтобы насладиться

красотою церковныхъ обрядовъ, которые такъ дороги его сердцу, чтобы пожить здѣсь хоть одинъ день, хоть одинъ часъ среди обстановки, чуждой міра и его суеты... Здѣсь, близъ дорогихъ его сердцу святыхъ, у нетлѣнныхъ мощей угодниковъ Божіихъ, православный русскій человекъ, окруженный историческими воспоминаніями, входитъ въ молитвенное общеніе съ своими, отшедшими къ Богу, наставниками въ духовной жизни, и такимъ образомъ сознаетъ себя живымъ членомъ св. единой вселенской Церкви, объединяющей въ себѣ всѣхъ вѣрующихъ во Хріста потомковъ Адамовыхъ, какъ живущихъ еще на землѣ, такъ и отшедшихъ уже въ другой міръ...

Дорогіе друзья! Вы призваны учить дѣтей народа въ нашихъ церковныхъ школахъ. Святое призваніе! Но вѣдь и всякая другая школа учить: чѣмъ же отличается наша школа?—*Церковностью*. Возжигайте же въ дѣтскихъ сердцахъ любовь къ родной Церкви Православной, къ ея завѣтамъ, къ ея святынямъ и обрядамъ. Воспитывайте въ дѣтяхъ эту церковность, безъ которой школа церковная—тоже, что тѣло безъ души. Но чтобы успѣшнѣе достигнуть этой святой цѣли, смиряйтесь и сами предъ исконнымъ народнымъ благочестіемъ, учитесь у народа смиренной любви къ завѣтнымъ святынямъ святорусской земли. Народъ черпаетъ въ этой любви духовныя силы: почерпайте и вы эти силы для вашего многотруднаго подвига подвига изъ того же святаго источника. Вотъ здѣсь, у нетлѣнныхъ мощей великаго заступника Русской земли, гдѣ, въ продолженіи пятисотъ лѣтъ пролилось столько пламенныхъ молитвъ, гдѣ такъ живо чувствуется біеніе народнаго сердца, здѣсь сей-

часъ каждый изъ васъ получить икону сего угодника Божія. Пусть же эта икона постоянно напоминаетъ вамъ объ одной изъ тѣхъ великихъ народныхъ святынь, которыя служатъ родниками духовноблагодатной жизни для Русскаго народа; пусть она будетъ знаменіемъ благословенія угодника Божія на вашъ нелегкій трудъ на пользу святой Церкви и ея малыхъ чадъ.

Господь всѣхъ васъ благослови!..“

По окончаніи рѣчи всѣ курсисты съ благоговѣніемъ подходили къ святымъ мощамъ угодника Божія, преп. Сергія, дѣлали предъ ними земное поклоненіе, прикладывались къ нимъ и получали въ благословеніе себѣ и своей школѣ его св. икону, освященную прикосновеніемъ къ нетлѣннымъ останкамъ великаго печальника Русской земли. Затѣмъ всѣ отправились въ трапезу, гдѣ имъ предложенъ былъ обѣдъ. Послѣ обѣда осматривали ризницу,

типографію, редакцію „Троицкихъ Листковъ“, и др. достопримѣчательности Лавры, а затѣмъ и окрестности ея—Геосиманскій скитъ, его пещеры, Боголюбовскую киновію, Вианію... Вездѣ встрѣчали они радушный пріемъ; въ скитской трапезѣ имъ предложили чай съ молокомъ изъ скитской фермы; въ Вианіи показывали достопримѣчательныя келліи Митрополита Платона; въ пещерахъ они пѣли молебенъ предъ чудотворною иконой Богоматери Черниговскою. Съ вечернимъ поѣздомъ они возвратились въ Москву, унося свѣтлыя воспоминанія о славной обители и о томъ радушномъ пріемѣ, какой нашли въ ея историческихъ стѣнахъ.

На память о посѣщеніи обители всѣ они получили, кромѣ св. иконы, по экземпляру „Троицкаго Подарка для Русскихъ дѣтей“ и вышеприведенной рѣчи, которая была напечатана въ типографіи въ ихъ же присутствіи.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

I.

Торжественно—тихая, святая, рождественская ночь.... Словно убогая гостя въ роскошныхъ хоромахъ стоитъ одиноко, средь снѣжной поляны, окаймленной густымъ ельникомъ, въ темной дымкѣ, подъ шатромъ ярко-золотыхъ звѣздочекъ, небольшое село Г — о... Усыпила ночька трудовой людъ... Понавѣяла ему свѣтло-радостный сонъ...

Только тамъ-вдали, на окраинѣ поселка, ближе къ бѣлому сельскому храму, виденъ еще въ деревянной,

ветхой избенкѣ слабый огонекъ, словно украдкой пробивающійся сквозь замерзшія стекла и робко вздрагивающій на пушистомъ снѣгу... То не спитъ еще сельскій учитель — псаломщикъ. Благоговѣнно стоитъ онъ предъ образомъ въ просторной, чисто вымытой комнатѣ, которая въ учебное время превращается въ школу. Тамъ, около печи, въ хозяйскихъ заботахъ, чѣмъ-то занята и псаломщица. А здѣсь, у окна, сидитъ мальчуганъ—сыншкѣ, сидитъ и прислушивается къ спокойному, внятному чтенію отца...

— „Родимый, Ванюша, да легъ-бы со-

снулъ, касатикъ“ — слышится голосъ доброй псаломщицы...

Но Ваня не хочетъ спать... Онъ никогда не спитъ въ рождественскую ночь... Онъ любитъ слушать, какъ отецъ его читаетъ о рожденіи Младенца Предвѣчнаго...

И дѣйствительно, онъ слушаетъ, внимательно слушаетъ о томъ, какъ въ вертепѣ родился Младенецъ, какъ возлежалъ. Онъ въ ясляхъ — слушаетъ и мысленно переносится въ этотъ вертепъ, къ этимъ яслямъ... И эти дѣтски — чистыя мысли навѣваютъ на Ванюшу мирный сонъ... Сладко дремлетъ ему... Онъ не хочетъ спать, борется со сномъ, опирается, какъ-бы сопротивляясь дремотѣ, о подоконникъ руками, а темная ночь гонитъ всю Ванину бодрость... И въ дѣтской головкѣ уже зарисовались дивныя картины... Онъ изрѣдка открываетъ свои глазенки, желая показать отцу, что и онъ, Ванюша, не спитъ, а рождественская, тихая, святая ночь навѣваетъ и навѣваетъ ему святые — радостные сны... Ваня таращитъ глазенки... Смотритъ въ чернѣющую, за бѣлою церковію, даль, а сонъ по своему распоряжается съ нимъ, передѣлываетъ окружающую картину и переноситъ Ваню куда-то далеко, далеко...

И чудится мальчугану, что тамъ, за этимъ храмомъ, — вонъ въ этомъ ельникѣ стоятъ среди большого сугроба, подъ запушонной снѣгомъ развѣсистой елью, ясли — точь въ-точь какъ тѣ, которые сколачивалъ недавно его отецъ, а въ этихъ ясляхъ лежитъ Онъ — Младенецъ — Христось... А Ванѣ такъ сладко, такъ сладко отъ этой картины...

Но Ваня снова какъ-бы приходитъ въ себя... Снова борется съ дремотой и снова таращитъ глазенки... Снова онъ слышитъ торжественно-тихое, ровное чтеніе отца...

Снова видитъ склонившуюся у печи горячо-любимую маты... Неудалекъ отъ Вани мурлычитъ котъ... Замѣчаетъ и его Ваня. Котъ, тоже до толѣ спавшій и замѣтившій теперь пробужденіе мальчика, потягиваетъ лапки, изгибаетъ спину и зѣваетъ... И это ускользнуло отъ Вани, который въ полуснѣ улыбается, глядя на кота... А котъ, какъ-бы замѣтившій знаки ободренія, снова подбираетъ подъ себя лапки и снова начинаетъ мурлыкать... И Ваня опять уже дремлетъ...

„И внезапно появилось съ ангеломъ многочисленное воинство небесное, славящее Бога и зывающее: слава въ вышнихъ Богу.“ — слышитъ въ полуснѣ Ваня спокойный голосъ отца... И снова ночь навѣваетъ Ванѣ счастливый сонъ... Онъ еще различаетъ прихотливые узоры, выведенные морозомъ на стеклахъ... Но эти узоры скоро превращаются въ иппые ряды деревьевъ... Деревья мѣти всплетаются, путаются между собой и среди нихъ Ваня... Опять уже онъ у тѣхъ знакомыхъ яслей, которыя видѣлъ подъ развѣистой елью... „Вѣдь это въ лѣсу... Ночь... Вонъ и звѣздочки золотыя... Отчего-же это такъ свѣтло? Отчего такъ радостно?“ — мелькаетъ въ головѣ Вани... „А вонъ и онѣ, небесныя силы... А вонъ — вонъ и Онъ, Младенецъ, свѣтлый, чистый и радостный... Онъ поднялся изъ яслей и идетъ въ ихъ сельскій храмъ“... Ваня не отстаеетъ отъ Него... Онъ чувствуетъ, какъ замираетъ сердечко его... Онъ хочетъ позвать съ собою за этимъ Младенцемъ и маму свою — онъ непременно покажетъ ей Его... Но чу! и звуки: поютъ, поютъ, они, небожители...

„Мама“ — шепчетъ Ванюша... „Мама — смотри Онъ... Онъ... смотри... идетъ... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе“... И снова Ваня таращитъ глазенки...

Онъ смотритъ на сельскій храмъ и не хочетъ разувѣрять себя въ томъ, что Онъ тамъ именно въ храмъ, что Онъ оставилъ ясли... ушолъ изъ темнаго дѣса... Онъ озирается кругомъ и начинаетъ понимать, что все это сонъ, но счастливый сонъ, святой сонъ...

Онъ смотритъ на свою мать, которая уже стояла около Вани и, улыбаясь, готовилась погладить его дѣтскую головку... „Что это ты видѣлъ, сыночекъ, зачѣмъ меня звалъ?“ — заговорила псаломщица...

Ваня помнилъ, что звалъ свою мать, помнилъ и зачѣмъ ее звалъ, но отвѣтилъ ей только своей чистой дѣтской улыбкой...

— „Пойдемъ въ церковь“ — между тѣмъ продолжала мать, „папанька ужъ ушолъ“...

„Ушолъ?“ изумленно спросилъ мальчикъ и быстро вскочилъ, чтобы и ему итти за папанькой...

А съ высоты сельской колокольни разносились уже могучіе удары колокола, и, падая въ тишину ранняго морознаго утра, гулко уносились туда далеко, далеко, за этотъ ельникъ, что окаймлялъ снѣжную поляну, на которой пріютилось село Г—о... Дѣтское сердце счастливаго и довольнаго Ванюши тоже какъ-бы вторило этимъ ударамъ колокола — оно неудержимо рвалось туда въ сельскій храмъ...

— „Ну, не мѣшайся“ — оклинулъ Ваня котенка, который слѣдомъ за Ваней прыгнулъ съ лавки и, изгибаясь, терся о Ванины новыя сапоги...

Скрипнула дверь... Ваня живо юркнулъ въ нее, а чрезъ минуту былъ уже въ храмъ, гдѣ славили уже Рождшагося въ Виодеемѣ.

II.

Давно, давно уже миновала для Вани та радостная, святая ночь... Не

одну науку и не одну школу уже успѣлъ онъ пройти... „Всему сыночекъ научился“ — говоритъ бывало своимъ сосѣдямъ дряхлый старикъ-отецъ, теперь, въ поощреніе за труды по народному образованію, уже сдѣланный дьякономъ... Его, Ваню, уже не зовутъ теперь, какъ прежде, Ванюшей... И мать только любовно поглядывала на него, боясь докучать ему съ своими прежними ласками, когда бывало, онъ пріѣдетъ въ свой родительскій домъ — навѣстить стариковъ... Онъ призванъ былъ уже къ самостоятельной трудовой жизни...

Снова была тихая звѣздная ночь. Снова, какъ и „тогда“ — давно, давно сидѣлъ у большого окна, выходившаго на свѣтлую городскую улицу, И. И... На шумной, столичной улицѣ было суетливо, людно... Передъ окнами мелькали пѣшеходы, извозчицъ сани, елки, словно, какъ и люди, торпившіяся то-же домой къ празднику. Вонъ тамъ, наверху, въ противоположномъ домѣ, какъ-будто разубранная въ серебро и золото царица, стояла нарядная елка... Стояла и у И. И. елка, около которой бѣгалъ маленькій, лѣтъ 4-хъ, мальчикъ-сынчикъ. Долго, неподвижно стоялъ у окна И. И., какъ-бы желая понять общій смыслъ этой городской, предпраздничной суеты... И эта суета была чужда для него... „Все это не то, не то“...

И мысли его быстро, быстро перенеслись отъ этой дѣйствительности въ то далекое, далекое прошлое, въ ветхую избу старика отца...

Словно до знакомыхъ струнъ сердца дотронулся онъ — только дотронулся, а онъ несли ему уже знакомые звуки... Точно потаенный фонарикъ былъ у него въ душѣ, который освѣщалъ ему — ему одному — мирныя кар-

тинки его счастливаго дѣтства... И какъ хорошо ему было отъ этихъ знакомыхъ звуковъ, отъ этого свѣта, отъ этихъ дѣтскихъ, чистыхъ картинъ...

Вотъ она—чистая комната, гдѣ онъ когда-то прилежно занимался съ отцомъ... Вотъ отецъ надѣлъ свои большіе очки и склонился надъ старой книгой... Вотъ суетится добрая мать. Вотъ и сельскій храмъ, гдѣ мальчикъ Ваня любилъ стоять съ своимъ папанькой на клиросѣ и громко читать часы, шестопсалміе и воспитывать на этомъ чтеніи свою дѣтскую душу... А вонъ и знакомый ему перелѣсокъ.... Тамъ онъ видѣлъ... въ Рождественскую ночь... много, много видѣлъ... о чемъ никому не сказалъ, но отчего ему было такъ хорошо, хорошо тогда...

Не такія грезы навѣваетъ теперь столичный шумъ, житейская безтолковая, или, быть можетъ, слишкомъ, слишкомъ толковая суета...

И. И. стало жаль, безконечно жаль того далекаго прошлаго, того золотого дѣтства, когда святые сны почти не отдѣлялись и почти сливались съ дѣйствительною жизнію его, тогда еще добраго невиннаго дитяти... И хотѣлось ему, чтобы и его маленькій мальчикъ, кружившійся теперь около елки, тоже видѣлъ чистые дѣтскіе сны, чтобы и ему святая рождественская ночь навѣяла тотъ — тотъ самый отраднѣйшій сонъ, который И. И. видѣлъ въ одинокомъ поселкѣ, въ простой деревенской избѣ, среди добрыхъ своихъ родителей и который даже теперь, среди суеты, такимъ миромъ, такимъ благодатнымъ свѣтомъ наполнялъ его душу.

Позднимъ вечеромъ предрождественскаго кануна я пріѣхалъ изъ своего уединенія къ И. И., чтобы въ его семьѣ, по обыкновенію, встрѣтить рождественскій праздникъ. Я засталъ его еще за тѣми думами, которыя навѣяла на него рождественская ночь.

„А знаешь что“,—радно встрѣтилъ онъ меня, „завтра мы поѣдемъ встрѣчать рождественскій праздникъ за городъ“, и онъ назвалъ мнѣ, при этомъ, одну изъ пригородныхъ церквей, гдѣ былъ нашъ общій знакомый—священникъ. „Мнѣ хочется хоть немного воскресить старые годы... Возьмемъ съ собой и этого воина“—указалъ И. И. на своего сынишку. „Пусть и ему дѣтство оставитъ поболѣе святыхъ, свѣтло-радостныхъ сновъ“... „Знаешь“, припомнилъ онъ слова Достоевскаго о впечатлѣніяхъ дѣтства, „въ свое время должно все возстать и откликнуться“... И этотъ отзвукъ дѣтства во многомъ руководитъ и отъ многаго спасаетъ...

Я охотно согласился на предложеніе И. И. Я понималъ, что это предложеніе, которымъ встрѣтилъ меня И. И., естественно вытекало изъ тѣхъ сокровенныхъ думъ, которыя воскресили въ немъ его дѣтскую рождественскую ночь... И эти думы были понятны, понятны мнѣ, потому что вѣдь и я также выросъ въ деревнѣ среди ласкъ отца и матери, среди снѣжной поляны, огаймленной старымъ еловымъ лѣсомъ, въ виду сельскаго храма... И знаю я, что такое родительскія ласки, знакомая снѣжная поляна и родной сельскій храмъ для дѣтскаго возраста...

Д. И. Введенскій.

ПОСЬВЫ И ВСХОДЫ.

Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.

I.

Церковь-воспитательница души народа.—Участіе дѣтей въ чтеніи и пѣніи церковномъ.—Великопостные меѣмоны.—Церковная школа даетъ примѣръ другимъ школамъ въ церков. пѣніи.—Хоръ дѣвушекъ въ сельской церкви.—Десятникъ, привлеченный въ церковь дочерью-школьницей.—Общая дѣтская свѣча.—Антифонное пѣніе двухъ школъ.—Ц. Школа даетъ примѣръ рабочимъ въ домашней молитвѣ.—Любовь дѣтей къ пѣнію.—Плоды церковности въ доброй настроенности.—Благодарность народа за церковность въ школахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что участіе учениковъ церковно-приходской школы въ чтеніи и пѣніи за церковнымъ Богослуженіемъ (сюда относится также и пріученіе дѣтей къ школьной молитвѣ) — одно изъ наилучшихъ, дѣйствительнѣйшихъ средствъ воспитанія въ дѣтяхъ церковности и добраго направленія воли вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и одно изъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ средствъ удовлетворенія религиозныхъ, эстетическихъ и всѣхъ другихъ высшихъ потребностей человѣческаго духа. Таково исключительное свойство Православно-церковнаго, истоваго Богослуженія и его молитвословій и пѣснопѣній, такъ сказать, его исключительная, Богодарованная благодать на высшее и совершеннѣйшее питаніе человѣческой души.

Въ отчетахъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ и журнальныхъ статьяхъ мы будемъ отмѣчать — вполне этого заслуживающіе отрадныя успѣхи нѣкоторыхъ тружениковъ въ святомъ дѣлѣ народнаго образованія, по части привлеченія учениковъ школы къ ближайшему участию въ церковномъ Богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ, пользуясь приводимыми фактами и для подтвержденія выказанной мысли о Церкви, какъ лучшей воспитательницѣ и питательницѣ души народа и ея высшихъ духовныхъ потребностей, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе себя являющихъ.

По отзывамъ всѣхъ Уѣздныхъ отдѣленій Херсонскаго Училищнаго Совѣта (Херсон. Еп. В. 1901 г. № 17), а также — богатаго множествомъ любопытныхъ и подробныхъ фактовъ отчета Симбирскаго Епарх. Наблюд. 1898/99 г., Московскаго — 1899—900, и другихъ, подъ вліяніемъ церковныхъ школъ религиозно-нравственное чувство поселянъ замѣтно повышается; прихожане усерднѣе посѣщаютъ храмъ Божій, уважительнѣе относятся къ членамъ причта и учащимъ въ школахъ, рѣже слышатся неприличныя, хотя и обычныя у крестьянъ слова и т. п. На самихъ дѣтяхъ это вліяніе сказывается возбужденіемъ въ нихъ отрадной набожности, церковности, и замѣтнымъ облагороженіемъ ихъ нравовъ: исчезаютъ, напр., дикія дѣтскія забавы и грубыя шалости (киданіе въ прохожихъ камнями, сквернословіе и т. п.) и замѣняются сознательнымъ и усерднымъ соблюденіемъ правилъ приличія и благородства, и вообще усвоеніемъ твердыхъ началъ доброй хрістіанской жизни. „Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ, пишетъ Курскій Епарх. Наб. (отч. 1899/900 г.), всѣ уѣздные наблюдатели, завѣдующіе школами священники и учащіе въ сихъ школахъ, указывая на благотворную перемѣну во всемъ строѣ жизни учащихся даже послѣ годичнаго пребыванія ихъ въ школѣ, при чемъ такое вліяніе школы чрезъ дѣтей незамѣтнымъ образомъ проникаетъ

и въ семьѣ ихъ родителей и родственниковъ. Въ отчетѣ Литовскаго Епарх. Учил. Совѣта (за 1900 г.) отмѣчается, что народъ въ такихъ приходяхъ, гдѣ обучаютъ церковному пѣнію, „аккуратнѣе посѣщаетъ храмъ Божій и внѣбогослужебныя собесѣдованія, часто отъ души благодаритъ своего священника и школьное начальство за такую школу. Видя заботы своихъ пастырей о просвѣщеніи своихъ дѣтей, народъ съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ относится къ священникамъ и ихъ словамъ. При встрѣчѣ съ священникомъ крестьяне просятъ у него благословенія, такъ что церковная школа видимо поднимаетъ въ глазахъ населенія авторитетъ православнаго духовенства, сближаетъ пасомыхъ съ пастырями и часто устанавливаетъ между ними самыя доброджелательныя и сердечныя отношенія.

По свидѣтельству Московскаго Еп. Наблюдо., благодаря школь, учащіеся, а чрезъ нихъ и все мѣстное населеніе — дѣлались болѣе набожными, приобрѣтали любовь и послушаніе святой Церкви и ея уставамъ, навывали къ молитвѣ, какъ церковно-общественной, такъ и частной или домашней, проникались вообще духомъ церковности. Изъ отдѣльных фактовъ, свидѣтельствующихъ о такомъ вліяніи церковной школы, нельзя не отмѣтить слѣдующіе:

Ученики Николо - Пыжевской школы, окончившіе курсъ и поступившіе въ другія свѣтскія учебныя заведенія, будучи причучены къ посѣщенію своего храма, не переставали потомъ все время аккуратно посѣщать его и нерѣдко принимали участіе въ пѣніи и чтеніи на Богослуженіи. Въ с. Доркахъ-Архангельскихъ, Бронницкаго уѣзда, когда мессимоны на 1-й недѣлѣ Великаго поста пѣли одни причетники, въ церковь приходили лишь старики и старухи, и то въ весьма маломъ количествѣ, народъ не зналъ этой величественно-умилительной службы; съ открытіемъ же здѣсь

церковной школы, когда ея учащіеся начали пѣть на этой службѣ, народу стало ходить до 300 человекъ. Подобныя явленія, свидѣтельствующія о привлеченіи населенія къ храму, замѣчены и по отношенію по многимъ другимъ церковнымъ школамъ нашей епархіи.

Въ приходѣ Николо-Тѣшиловскомъ, Клинскаго уѣзда, существовали три земскихъ школы, — одна выше 20 лѣтъ, другая 15: ученики если и ходили въ церковь, то не принимали участія въ чтеніи и пѣніи и даже съ церковнымъ пѣніемъ не были знакомы: когда же въ 1897 году открылась церковная школа и ея учащіеся стали пѣть на Богослуженіи въ церкви, то и ученики другихъ школъ начали обучаться пѣнію и усерднѣе стали посѣщать храмъ Божій.

Авторъ статьи „Пастыри-труженики“ въ Ярослав. Еп. Вѣд. № 30 дѣлитъ своими впечатлѣніями осмотра школы въ с. Павловкѣ, Любимскаго уѣзда, при чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ слышанное имъ здѣсь прекрасное пѣніе 5 взрослыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, собравшихся въ школу на спѣвку. Весь хоръ, устроенный личными трудами и искусствомъ священника мѣстнаго села о. Василія Великосельскаго, состоитъ изъ 25 человекъ, но по случаю рабочаго времени на спѣвку могло явиться только 5 дѣвушекъ; впрочемъ, по прекраснымъ, чистымъ и звучнымъ голосамъ ихъ, по ихъ полному знакомству съ камертономъ и умѣнью обращаться съ церковными книгами, можно было вполне судить о достоинствѣхъ и всего хора, являющагося удрашеніемъ мѣстнаго сельскаго храма и свидѣтельствующаго о замѣчательно трудовой дѣятельности молодого священника въ глуши Любимскаго уѣзда. Одна изъ присутствовавшихъ на спѣвкѣ дѣвушекъ ознакомлена даже и съ церковнымъ уставомъ настолько, что въ отсутствіи псаломщика исполняетъ на клиросѣ его обязанности.

Въ приходѣ Ильи - Обыденской церкви въ Москвѣ жилъ одинъ десятникъ надъ рабочими, много шлѣтъ по нерадѣнію не посѣщавшій храма Божія; но вотъ, его дочери, ученицѣ мѣстной школы, было назначено читать въ церкви шестопсалміе; изъ любопытства послушать это чтеніе пришелъ онъ и съ тѣхъ поръ чаще и чаще началъ ходить въ храмъ и сдѣлался даже усерднымъ его посѣтителемъ.

Учащіеся въ Зуевской школѣ, Богородскаго уѣзда, сами установили себѣ обычай предъ каждымъ праздникомъ складываться по копѣечкѣ и ставить въ церкви одну большую свѣчку.

Въ нѣкоторыхъ приходяхъ хорошо поставленная школа производитъ положительный религіозно-нравственный подъемъ. Въ Бузовской, наприм., церкви антифонное пѣніе двухъ школъ производитъ самое благотворное вліяніе на прихожанъ, церкви въ праздничные и воскресные дни всегда полна народа, куда съ удовольствіемъ спѣшаютъ изъ дальнихъ частей прихода. Жители дер. Секретаровки, того же прихода, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ послѣобѣденное время собирались въ школу слушать пѣніе своихъ дѣтей. Желających слушать бываетъ всегда такъ много, что они не вмѣщаются въ комнаты и стоятъ подъ окнами.

При фабрикѣ Покровской мануфактуры, Дмитровскаго уѣзда, въ отчетномъ году была открыта церковная школа, и въ ней, конечно, введены общія утреннія и вечернія молитвы съ пѣніемъ учениковъ. Рабочіе, отправляясь въ это приблизительно время на работы или возвращаясь съ нихъ, сначала останавливались у оконъ и слушали молитву, а затѣмъ многіе начали регулярно посѣщать эти молитвы; а нѣкоторые, по примѣру школы, стали молиться у себя дома. Въ такомъ же направленіи повліяла и школа Преображенская, въ Преображенскомъ. По внушенію учащихся въ школѣ, во многихъ сосѣднихъ

фабрикахъ и мастерскихъ введены общія утреннія или вечернія молитвы. Обыкновенно одинъ изъ умѣющихъ рабочихъ читаетъ молитву, а всѣ поютъ; поютъ также предъ и послѣ общаго обѣда въ рабочихъ казармахъ“ (отч. 1899/900 г.).

Замѣчательный и богатый залогъ добраго направленія и успѣха школы въ данномъ отношеніи составляетъ сильная любовь самихъ дѣтей къ дѣятельному участию въ совершеніи Богослуженія чтеніемъ и пѣніемъ. Уроки церковнаго пѣнія всегда въ школѣ одни изъ самыхъ оживленныхъ. Не смотря на утомленіе и продолжительное сидѣніе въ школѣ, дѣти съ удовольствіемъ остаются въ школѣ послѣ уроковъ, чтобы попѣть и нерѣдко сами просятъ объ этомъ. Такъ напримѣръ едва была открыта школа при часовнѣ св. Стефана Пермскаго, что у Креста, (въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Моск. губ.), не прошло и недѣли, какъ дѣти сами стали просить учителя собирать ихъ послѣ обѣда для обученія церковному пѣнію. По свидѣтельству Херсонскаго Епархіальнаго наблюдателя, участіе въ церкви до того нравится дѣтямъ, что даже и учащіеся въ отдаленныхъ отъ церквей школахъ прилагаютъ всевозможныя усилія, чтобы хотя изрѣдка принять самимъ участіе въ общественномъ Богослуженіи. Ученики за десятки верстъ охотно спѣшили въ храмъ, чтобы прочесть часы, пропѣть литургію и молебень въ праздничные дни, и т. под. (№ 8 Хере. Еп. В.). По сообщенію одного изъ Симбирскихъ завѣдующихъ школами (о. Адріанова, отч. Симб. Еп. Наб. 1899/90 г., стр. 155) „ученики школы (Румянцевской) съ усердіемъ посѣщаютъ храмъ Божій не только въ праздничные дни, но и въ будни“. Одинъ изъ учениковъ заявляетъ себя такимъ прилежаніемъ къ храму, что никогда не пропускаетъ ни одной службы и всегда читаетъ и поетъ на клиросѣ, чрезъ что прекрасно изучилъ и уставъ церковный.

Правильное и усердное участіе учени-

ковъ школы въ Богослуженіи до такой степени способно виѣдриться въ дѣтскую душу задатками нѣкоторой доброй настроенности, что создаетъ особый типъ школы и типъ ученика, проникнутыхъ характеромъ церковности. Въ одной изъ школъ Таврической епархіи (Казачье-Лагерской) окончивающія курсъ ученицы обращаютъ на себя вниманіе своею особенною любовью къ храму Божію и церковному Богослуженію, уваженіемъ къ священникамъ и старшимъ себя, безпрекословнымъ и внимательнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, строгимъ соблюденіемъ церковныхъ установленій, добропорядочностію и т. д. ¹⁾ Означенная школа удостоилась особаго вниманія и лестныхъ отзывовъ самого Начальника губерніи, особенно восхищавшагося стройнымъ, прекрасно исполненнымъ пѣніемъ въ мѣстной церкви и школѣ.

Насколько доволенъ и радъ участію своихъ дѣтей въ церковномъ чтеніи и пѣніи православный народъ, и какъ благотворно вліяетъ все это на населеніе, располагая его въ пользу школы, на это имѣется также множество фактовъ. Заявленіе одного изъ поселянъ, что онъ „не можетъ безъ слезъ стоять въ церкви, слыша прекрасное пѣніе учениковъ школы, гдѣ и его дочь—малютка своими младенческими устами славить Бога“—далеко не изъ числа единичныхъ. Точно также не рѣдки случаи, что родители переводили своихъ дѣтей изъ земской школы въ церковную, чтобы только дѣти ихъ читали и пѣли на клиросѣ. Вездѣ вообще, благодаря

привлеченію дѣтей къ участію въ церковномъ чтеніи и пѣніи, отмѣчается повышенное усердіе населенія къ посѣщенію церковныхъ службъ; при этомъ успѣхи дѣтей въ чтеніи и пѣніи во многихъ мѣстахъ достигаютъ такой степени, что восторгъ населенія выражается въ, однообразно-знаменательныхъ отзывахъ: „мы никогда такого чтенія и пѣнія еще не слышали!“ Или: „Слава Богу! какъ стало теперь хорошо!“ (Моск. отч.). Насколько нравится церковная школа крестьянамъ всѣмъ своимъ строемъ, видно напримѣръ, изъ такого факта: въ одной изъ школъ Славяно-сербскаго уѣзда, на утренней молитвѣ, начало которой положилъ Наблюдатель, присутствовалъ крестьянинъ, выразившійся, по окончаніи ея, такъ: „у васъ здѣсь, какъ въ церкви, молятся: батюшка благословилъ начало, одинъ читаетъ, всѣ слушаютъ а потомъ поютъ, да и лампадка горитъ предъ св. иконами, точно въ праздникъ; дастъ Богъ, выростутъ школяры, будутъ не то, что мы—стоишь въ церкви и ничего не понимаешь, а они, видно, и обѣдно знаютъ, ибо мой сынъ все понимаетъ, что и какъ въ церкви служится и дома объ этомъ рассказываетъ, да и по церковному печатаетъ (пишетъ полуустановомъ)“.

Нельзя не пожелать, поэтому, возможно широкаго распространенія и усиленія этого рода дѣятельности школы, что много возвыситъ ея облагороживающее вліяніе и значеніе въ дѣлѣ улучшенія нравовъ народа. Это, между прочимъ, начинается цѣнить самъ народъ, все ближе и ближе принимающій къ сердцу нужды школы, болѣе и болѣе симпатизирующій ей и охотнѣе выражающій свои симпатіи матеріальными пособіями на школы.

¹⁾ Подобное же свидѣтельство о своихъ школахъ Симбирскій Еп. Наблюдатель и многіе другіе въ своихъ отчетахъ.

Станичка для дѣтей.

Новый христіанскій мученикъ-малютка.

Сѣсть на бѣломъ свѣтѣ одна большая страна, откуда къ намъ привозятъ чай. Эта страна называется Китаемъ. Вамъ приходилось, можетъ быть, видѣть на картинкахъ, или на оберткѣ чая, или даже живыми, людей, которые живутъ въ Китаѣ. Мужчины носятъ у нихъ странные наряды, похожіе на платье нашихъ женщинъ и такъ-же, какъ и наши женщины, отращиваютъ длинныя косы. Глаза у китайцевъ узенькіе, лица желтыя.

Жителей въ Китаѣ гораздо больше, чѣмъ въ нашей Русской землѣ. Но православныхъ христіанъ, которые молятся Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, очень немного—всего человѣкъ 500. А всѣ остальные китайцы кланяются разнымъ богамъ, напримѣръ, солнцу, умершимъ и др.

Вамъ приходилось также, можетъ быть, слышать и то, что наши русскіе солдатики ѣздили воевать съ китайцами. Китайцы хотѣли убить всѣхъ, кто вѣруетъ въ Господа нашего Иисуса Христа. Вотъ, чтобы защититъ вѣрующихъ, наши солдатики и воевали съ китайцами и многихъ вѣрующихъ спасли. Но нѣкоторыхъ китайцы всетаки безжалостно убили за то, что они не хотѣли отказаться отъ вѣры въ Иисуса Христа.

Между этими убитыми былъ и одинъ христіанскій мальчикъ, кото-

рый рѣшился принять мучительную смерть, чтобы только не отречься отъ Христа. Этого китайскаго мальчика, который своимъ дѣтскимъ сердцемъ горячо любилъ Господа Иисуса, звали Ваней. Отца его звали Митрофаномъ. Митрофанъ, отецъ Вани, былъ священникомъ у православныхъ китайцевъ.

Однажды невѣрующіе китайцы ворвались въ домъ къ отцу Митрофану, убили его, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ китайцевъ-христіанъ. А мальчика—Ваню они стали мучить и послѣ мученья отрѣзали ему кисти рукъ. Сосѣди-китайцы жалались надъ Ваней и взяли его къ себѣ, а домъ, гдѣ жили отецъ Митрофанъ и Ваня, былъ сожженъ китайцами. У Вани не осталось, такимъ образомъ, ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ. Многіе жалѣли Ваню и спрашивали его: „очень-ли больно ему страдать“? А Ваня отвѣчалъ, что ему „очень жаль папу, то есть отца Митрофана, но самому страдать за Христа не больно“... Китайцы, слыша эти слова добраго христіанина-мальчика, схватили его снова и опять стали мучить, чтобы заставить его отказаться отъ вѣры во Христа. Но малютка-мученикъ остался вѣрнымъ Богу и среди тяжелыхъ пытокъ. Онъ не измѣнилъ своему Господу, Котораго любить и Которому служить на-

училъ его отецъ Митрофанъ. И китайцы, видя твердость и непреклонность мальчика—Вани, наконецъ, убили его.

Такъ скончался малютокъ-муче-

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Будьте, дѣти, осторожны“ — листки, издаваемые съ 1901 г., съ Іюля. Москва. Цѣна за 100 листовъ съ перес. 50 к.

Счастливая пора дѣтства, время духовнаго и тѣлеснаго роста, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время маленькаго геройства — маленькихъ проказъ, влекущихъ иногда нежеланныя для дѣтей послѣдствія. Слѣдящій за газетными сообщеніями часто можетъ встрѣтить на страницахъ газетъ скорбныя сообщенія о всевозможныхъ несчастныхъ случаяхъ съ дѣтьми, которыя являются нерѣдко жертвами своей-же собственной неосторожности. Поэтому, внушеніе имъ осторожности и благоразумной предусмотрительности въ поступкахъ естественно должно составлять одну изъ задачъ общей попечительности о всестороннемъ воспитаніи дѣтей.

Издаваемая въ Москвѣ съ 1901 года, съ Іюля, дѣтскіе листки подъ общимъ названіемъ: „Будьте, дѣти, осторожны“ и представляютъ изъ себя первую попытку дать грамотнымъ дѣтямъ рядъ руководственныхъ, обоснованныхъ на дѣйствительныхъ примѣрахъ, указаній относительно ихъ поведенія. Дѣло изданія листковъ съ подобнымъ содержаніемъ — дѣло новое и, разумѣется, небезполезное, какъ обращающее вниманіе на такую сторону школьнаго воспитанія, которая часто забывается.

Въ настоящее время у насъ подъ руками три десятка (№ 1—30) упомянутыхъ листковъ. Характеръ передачи въ нихъ событий почти одинъ и тотъ-же. Сначала въ нихъ общедоступнымъ языкомъ излагаются заимствованныя изъ печатныхъ извѣстій, или-же со словъ очевидцевъ рассказы о несчастныхъ случаяхъ съ дѣтьми, а потомъ дается въ заключеніе „добрый

никъ, который согласился лучше отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ святой православной хрістіанской вѣры¹⁾.

В. совѣтъ“ дѣтямъ — наблюдать вседашнюю осмотрительность. Относительно „добрыхъ совѣтовъ“ нужно, впрочемъ, замѣтить, что они по прихоти издателя называются то „заключеніями“, то „добрыми совѣтами“, то „разсужденіями“ причемъ, по странной случайности, *разсужденія* являются иногда менѣе содержательными, чѣмъ *совѣты* и *заключенія*...

Что касается, въ частности, содержанія листковъ для дѣтей, то издатель коснулся пока въ нихъ случаевъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, спичками, папиросами (№№ 1—3, 15, 16, 17, 28—31), съ водой, напримѣръ, при купаньи (№№ 4, 6), съ пищею и питьемъ (№№ 23, 24), съ кипяткомъ (№ 20), съ домашними животными (№ 25), съ птицами (№ 27), и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (№№ 7—10). Далѣе, въ нихъ указываются опасности, каковой подвергаются дѣти при переходѣ улицъ, полотна желѣзныхъ дорогъ (№№ 10—11), при игрѣ въ рытыхъ ямахъ (№ 12), на льду (№№ 13, 14), при встрѣчѣ съ незнакомыми на улицѣ (№№ 18, 19) и т. п.

Изъ указаннаго здѣсь частнаго содержанія листковъ, предназначенныхъ для грамотныхъ дѣтей, видно, что здѣсь дѣйствительно предусмотрены нерѣдкіе случаи дѣтской неосторожности, влекущей печальныя послѣдствія. Правда, это сравнительно немногіе случаи. Ихъ еще не мало, надѣмся, укажетъ издатель листковъ для дѣтей. Но и то, что есть, не лишено значенія, потому что, по извѣст-

¹⁾ Своевременное сообщеніе объ этомъ было сдѣлано въ Моск. Вѣд., 1901 г. № 303.

и сбился съ пути: ни отцу не присылаетъ, ни себѣ ничего не наживаетъ. — Это говорилъ почтенный старикъ, уважаемый всею деревней, хотя и неграмотный. Благодаря трудовой и трезвой жизни, а также и тому, что занимался прежде яскимъ промысломъ, онъ приобрѣлъ порядочное состояніе. Весь свой вѣкъ, несмотря на свою безграмотность, онъ прожилъ скромно, безупречно и безбѣдно. Названный имъ крестьянскій паренъ дѣйствительно кончилъ курсъ въ сельской школѣ, но своею жизнью и поведеніемъ не оправдывалъ надеждъ своего отца. „Нонѣ въ школѣ-то, продолжалъ разсуждать деревенскій моралистъ, учать побасенкамъ да прибауткамъ, а божественнаго-то мало внушаютъ: вотъ они, дѣти-то, и выходятъ вольные, никого не слушаютъ и живутъ по своей волюшкѣ, и Бога-то не боятся“. Эта рѣчь почтеннаго старика произвела впечатлѣніе на его односельцевъ: желаніе имѣть въ своей деревнѣ школу поколебалось. Пришлось опровергать доводы старика. „Въ вашей деревнѣ школа будетъ начальная, сказала я, церковная. Въ ней, какъ и въ церкви, мы съ учителемъ будемъ учить дѣтей вашихъ главнымъ образомъ—началу всякой премудрости, страху Божію и божественному писанію. А потомъ будемъ сообщать имъ и науку, то есть полезныя въ житейскомъ быту знанія. Изъ нашей школы развѣ ужь какой несправимо худой мальчишкѣ выйдетъ нехорошимъ въ жизни чело-

вѣкомъ, да развѣ вы, въ своей семьѣ, будете подавать дурной примѣръ; а внушать божественное мы будемъ крѣпко: для того вѣдь блаженной памяти покойный Государь Императоръ Александръ Третій и повелѣлъ вездѣ открывать церковноприходскія школы“. — Крестьяне убѣдились такими доводами и составили приговоръ, по коему обязались дать отопленіе и сторожа школѣ. Школа открыта и въ ней вотъ уже третій годъ обучается до 40 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣти отличаются добрымъ поведеніемъ, поютъ и читаютъ въ церкви; на праздники въ школѣ совершаются всеобщія бдѣнія и религиознонравственные бесѣды, и все это вноситъ жизнерадостную, свѣтлую и нравственно-здоровую струю въ сѣренькій бытъ двухъ глухихъ деревень моего прихода, удаленныхъ отъ приходской церкви. И крестьяне благодарятъ Бога, что все такъ устроилось хорошо“.

Изъ этого сообщенія, какъ и изъ многихъ другихъ подобныхъ, видно, что нашъ простой крестьянинъ радъ открытію школы, но нерѣдко опасается, какъ бы вмѣсто свѣта она не внесла въ его патріархальный бытъ чего-либо разрушающаго этотъ бытъ: ему дорого просвѣщеніе, но нравственные устои несравненно дороже; онъ ждетъ отъ школы не свѣта только, но и тепла, и если есть опасность, что школа не согрѣетъ его ребенка свѣтомъ Христовымъ, то готовъ отказаться и отъ даровой школы.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ ТРУЖЕНИКАМЪ ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ ОТЪ ИХЪ СОБРАТА.

А добрые друзья и сотрудники! Дѣло, которому мы служимъ, есть дѣло живое; чрезъ него мы становимся въ непосредственныя отношенія съ сотнями юныхъ душъ и являемся постоянными, ближайшими наблюдателями народной жизни во всемъ ея отрадномъ и печальномъ разнообразіи и во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества. Оно естественно захватываетъ умъ и сердце своихъ труженниковъ. Когда же душа наша полна, тогда мысль и чувство рвется наружу, хочется

высказаться, подѣлиться съ тѣми, кто насъ понимаетъ, намъ сочувствуетъ, и можетъ откликнуться. Много въ нашихъ рядахъ юношей, дѣвицъ, только что вышедшихъ на поприще жизни часто съ добрыми стремленіями, свѣтлыми надеждами, но безъ опыта, такъ сказать, безъ христіанскаго душевнаго закала... Жизнь дѣйствительную, дѣятельность общественную они рисуютъ нерѣдко въ преувеличенно розовомъ свѣтѣ; окунувшись же въ ея волны, встрѣтивъ на своемъ добромъ пути различныя пре-

пятствія, въ видѣ холоднаго равнодушія, а иногда прямо-таки грубаго противодѣйствія отъ окружающихъ темныхъ людей и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, унываютъ, опускаютъ руки, и вмѣсто вѣры въ начатое дѣло, окутываются туманомъ развѣдающаго сомнѣнія. Въ такую критическую минуту душевной жизни какъ нужно и дорого бываетъ теплое сочувствіе, дружеское бодрящее слово, — какъ благотворенъ тогда всякій правдивый фактъ, краснорѣчиво подтверждающій несомнѣнную пользу того дѣла, на которое тратятся силы! Но вѣдь рѣдко, рѣдко гдѣ въ сельской глуши труженикъ бѣдной школы встрѣтитъ живое теплое участіе. Правда, лучшая часть крестьянства цѣнитъ добросовѣстныхъ тружениковъ, сочувствуетъ имъ отъ души, но выражаетъ это участіе какъ-то пассивно, а люди образованные въ деревнѣ и вообще то рѣдко, преданные же нашему дѣлу встрѣчаются почти только какъ исключенія. Живую бесѣду съ понимающимъ и сочувствующимъ человекомъ до извѣстной степени можетъ замѣнить хорошая книга, но и этотъ безмолвный другъ мыслящихъ людей далеко не во всякомъ селѣ найдется. Немудрено, что при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ иной, начавши жизненный путь восторженнымъ идеалистомъ, кончаетъ его унылымъ ремесленникомъ.

Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Какъ помочь горю, какъ ослабить тоску умственнаго и нравственнаго одиночества? Будемъ другъ друга поддерживать нравственно... Пусть мы разобщены пространствомъ, но мысль и чувство не вѣдаютъ пространственныхъ границъ, ими можно переключаться съ одного конца свѣта на другой. А въ настоящее время, когда юная „Божія Нива“ гостеприимно открываетъ свои страницы для фактовъ, наблюдений, мыслей, хотя бы и простыхъ, несложныхъ, но жизненныхъ, при своей простотѣ глубоко поучительныхъ, могущихъ влить ободряющую струю въ грудь всякаго дѣятеля на поприщѣ народнаго просвѣщенія, намъ предъявляется прекрасный случай повѣдать подмѣченныя нами явленія, факты народной, школьной жизни, которые бы краснорѣчиво всякихъ разсуждений доказывали, что честное, доброе дѣло никогда напрасно не пропадаетъ. Не скроемъ другъ отъ друга и сму-

щеній, сомнѣній, переживаемыхъ нами на педагогическомъ поприщѣ при встрѣчѣ съ неблагопріятными обстоятельствами дѣйствительности, расскажемъ, какъ кто борется съ ними, какъ кто побѣждаетъ ихъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, идеаламъ юности. — Не забудемъ что поле воспитанія и обученія дѣтей обширно, способы и мѣры, практикуемыя на немъ, разнообразны: иной разъ работаешь десятокъ и болѣе лѣтъ, а и не подозрѣваешь, что есть способъ несравненно лучшій, чѣмъ тотъ, который практиковалъ доселѣ. Вѣдь всякій добросовѣстный, внимательный учитель рано или поздно въ существующіе приемы и правила обученія вноситъ и нѣчто свое, индивидуальное, добытое и проверенное долгимъ опытомъ. Какое спасибо сказали бы собратья тому, кто повѣдалъ бы изъ своей практики нѣчто такое, чего не встрѣтишь ни въ одной методикѣ. Наконецъ, всякій согласится, какъ часто возникаютъ вопросы, недоумѣнія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, а обратиться за разрѣшеніемъ ихъ сплошь и рядомъ бываетъ не къ кому, вотъ и будемъ той же „Нивѣ Божіей“ повѣрять возникающіе въ насъ вопросы относительно успѣшнаго развитія нашего общаго дѣла, въ надеждѣ, что, быть можетъ, откуда нибудь, хотя бы издалека, тотъ или другой добрый труженикъ двумя тремя строками опыта, разрѣшитъ ихъ намъ... Словомъ вообразимъ, что „Божія Нива“ нашъ общій другъ и будемъ ему какъ другу повѣрять мысли, чувства, горе и радости, вопросы и отвѣты по живому, намъ родному дѣлу народнаго воспитанія и просвѣщенія.

Вѣрится, что „Божія Нива“ не оставитъ насъ безотвѣтными, опытомъ нашихъ же добрыхъ собратьевъ отвѣтитъ она намъ, и если мы, такимъ образомъ, дружно, правдиво, искренно заговоримъ на ея страницахъ, то въ близкомъ же будущемъ каждый изъ насъ можетъ имѣть на своемъ столѣ друга, могущаго сказать намъ доброе, полезное, ободряющее слово широкаго и многосторонняго жизненнаго опыта... Съ Богомъ же, дорогіе друзья соратники, къ дружеской, искренней перепискѣ о великомъ и святомъ дѣлѣ, которому служимъ, объ обширной народной жизни, которую наблюдаемъ!

Свящ. В. Востоковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ—СОТРУДНИКАМЪ.

Давая мѣсто „открытому письму“ одного изъ преданныхъ душею своему дѣлу оо. наблюдателей, который самъ довольно долго былъ учителемъ и въ настоящее время имѣетъ въ своемъ завѣдываніи двѣ школы, Редакція съ своей стороны считаетъ долгомъ прежде всего принести глубокую благодарность всѣмъ, кто сердечно откликнулся на ея приглашеніе. Мы получили теплые, сочувственные отзывы не только изъ ближайшихъ епархій, но и изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири. Видно, что то дѣло, коему посвящаетъ себя наше скромное изданіе, близко сердцу нашихъ Архипастырей и пастырей. Первымъ сочувственно отозвался на нашу мысль объ изданіи Московскій первосвященитель. Съ его святительскаго благословенія мы приступили къ дѣлу; имъ испрошено разрѣшеніе на наше изданіе и отъ Святейшаго Синода. Съ живымъ сочувствіемъ отозвался и въ Божѣ почившій Харьковскій священитель, Архіепископъ Амвросій: призывая Божіе благословеніе на „доброе дѣло“, онъ между прочимъ посоветовалъ намъ не называть изданія „Божьей“, а назвать „Божіей Нивой“. Слово сочувствія мы получили и отъ другихъ Архипастырей, а пастыри сельскіе, близко стоящіе къ церковнымъ школамъ, не замедлили откликнуться и дѣломъ: прислали много замѣтокъ, дневниковъ, статей для журнала. Правда, не все можетъ быть напечатано; мы считаемъ нужнымъ предупредить всѣхъ, кто намъ прислалъ или будетъ присылать впредь свои труды, что не имѣемъ возможности отвѣчать каждому

отдѣльно письмомъ: будетъ или не будетъ напечатано имъ присланное; во всякомъ случаѣ просимъ имѣть въ виду нѣкоторыя правила, коихъ намѣрена держать редакція въ отношеніи своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, а именно:

1) Она оставляетъ за собою право *сокращать, передѣлывать и исправлять* статьи;

2) Статьи *ненапечатанныя* будутъ храниться въ редакціи въ продолженіи года, и если не будутъ высланы деньги (или марки) на ихъ пересылку, то будутъ уничтожаться.

3) Относительно нѣкоторыхъ статей будетъ кратко извѣщать чрезъ особый отдѣлъ въ журналѣ—„*почтовый ящикъ*“.

4) Изъ нѣкоторыхъ писемъ и статей она будетъ дѣлать только *краткія извлеченія* въ отдѣлахъ „Нашъ Дневникъ“, или „Лѣтопись церковноприходской школы“.

5) Вопросовъ о томъ или другомъ *методѣ* преподаванія редакція касаться не будетъ, какъ невходящихъ въ утвержденную Св. Синодомъ программу изданія, а потому и проситъ статей по сему отдѣлу не присылать.

6) Равно не высылать статей, заключающихъ въ себѣ отчетовъ о постройкѣ школы, о числѣ учащихся въ той или другой школѣ и проч. Вообще редакція будетъ, при помощи Божіей, стремиться къ осуществленію тѣхъ задачъ, какія намѣчены ея программой. Она предпочла бы расширить отдѣлъ для дѣтскаго чтенія и будетъ особенно благодарна, если добрые труженники церковной школы помогутъ ей осуществить это желаніе.

СОДЕРЖАНІЕ: Господи благослови!—Церковность. (Ея важное значеніе и необходимость въ жизни и школѣ).—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.—Знаменательное паломничество въ Вѣ Рождественскую ночь.—Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.—Страницка для дѣтей. Новый хрїстіанскій мученикъ-малютка.—Библиографія.—Нашъ дневникъ.—Открытое письмо къ труженикамъ церковно-приходскихъ школъ отъ ихъ собрата.—Отъ Редакціи сотрудникамъ.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виванія. Декабря 27 дня, 1901 года. Цензоръ, Ректоръ Виванской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. *Виллего*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ: 1 рубль перес.; въ годъ ходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.